

ПРЕДИСЛОВИЕ К ЭЛЕКТРОННОМУ ВАРИАНТУ «ВОСПОМИНАНИЙ»
ТАТЬЯНЫ ГРИГОРЬЕВНЫ МИРОЛЮБОВОЙ
(1947 – 2017)

Татьяна Григорьевна Миролубова (девичья фамилия Боголюбова) начала работать в пединституте ассистентом кафедры английского языка факультета иностранных языков в 1974 году. Она стала членом секции для историко-английского факультета, а через год была переведена на должность старшего преподавателя кафедры английского языка историко-английского факультета (ныне Института исторического и правового образования).

После обучения в очной аспирантуре при ЛГПИ им. А.И.Герцена Миролубова Т.Г. в 1987 году успешно защитила кандидатскую диссертацию по теме: «Намеренные смысловые пропуски в рамках микро- и макротекста».

Слева направо: Михаил Викторович Лоренс, Гузель Ибрагимовна Набатова, Татьяна Григорьевна Миролубова, Марина Григорьевна Балонова.

Фото конца 70-х.

В 1991 году Татьяна Григорьевна стала доцентом кафедры теории и истории мировой культуры, затем кафедры культурологии и социальной педагогики БГПУ нового социально-гуманитарного факультета.

Получила звание доцента по кафедре английского языка (1995).

С 2004 года доцент кафедры иностранных языков факультета башкирской филологии.

С 2009 года доцент общеинститутской кафедры иностранных языков (межфак).

В 2011 году, совершив круг, вернулась доцентом на свою первоначальную кафедру английского языка на ИФОМК.

В 2012 году окончательно завершила преподавательскую деятельность.

Миролубова Т.Г. – отличник народного просвещения РСФСР (1991).

Первая часть воспоминаний («Детство») была написана за десять дней в начале июня 2016 года. Сначала Татьяна Григорьевна долго отказывалась писать мемуары, но ее муж, Ганеев Булат Талгатович, сам написал первый абзац и попросил ее отредактировать текст, что она и сделала, внося некоторые изменения..., а затем увлеклась и написала первую часть своих мемуаров.

Продолжение воспоминаний прервалось ухудшением ее здоровья в то жаркое, губительное лето високосного 2016 года, что позднее привело Татьяну Григорьевну к уходу из этой жизни (5 января 2017 года).

Вторая часть будет завершена на основе ее начальных записей, устных воспоминаний, аудио- и видеозаписей.

Презентация книги (первой части) прошла 3 марта 2017 года – накануне дня рождения Татьяны Григорьевны – в Мемориальном Доме-музее С. Т. Аксакова. В обсуждении мемуаров из числа преподавателей ИФОМК принимали участие заведующий кафедрой русского языка профессор И.В.Артюшков, старший преподаватель М.Г.Балонова (недавний член кафедры английского языка) и профессор кафедры английского языка Б.Т.Ганеев

В настоящее время готовится книга воспоминаний ее родных, друзей, коллег, бывших студентов об этом незаурядном человеке, красивой, умной, талантливой и доброй женщине.

Т.Г. Миролубова
Мои Воспоминания

Часть I. Детство

парк
Тукаева

Школа № 14

54А

54

ул. Тукаева

Уфимская
мечеть

9А

9

14

16

18

20

11/1

Дом-музей
С.Т. Аксакова

13

Т.Г. МИРОЛЮБОВА

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

ЧАСТЬ I.

ДЕТСТВО

УФА - 2016

*Моему мужу, Ганееву Булату Талгатовичу,
за оказанное огромное содействие в
написании и оформлении моих
воспоминаний, с благодарностью
посвящаю.*

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Детство

Наш дом	6
Наша улица	14
О моих родителях. Папа.....	19
Мама.....	29
О моих братьях. Гриша.....	40
Володя.....	45
Наша родня. Тетя Маруся.....	50
Тетя Зина.....	52
Бабка Марья Николавна.....	54
Семья Лесковых.....	57
Мы и наши соседи.....	59
О себе. Мое раннее детство.....	60
Парки моего детства.....	69
Наша детская компания.....	81
Школа.....	86
Собаки, кошки, и другая живность в нашем доме..	96
Вместо послесловия.....	100
 Б.Ганеев ПРИЛОЖЕНИЕ.....	 101

НЕБОЛЬШОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

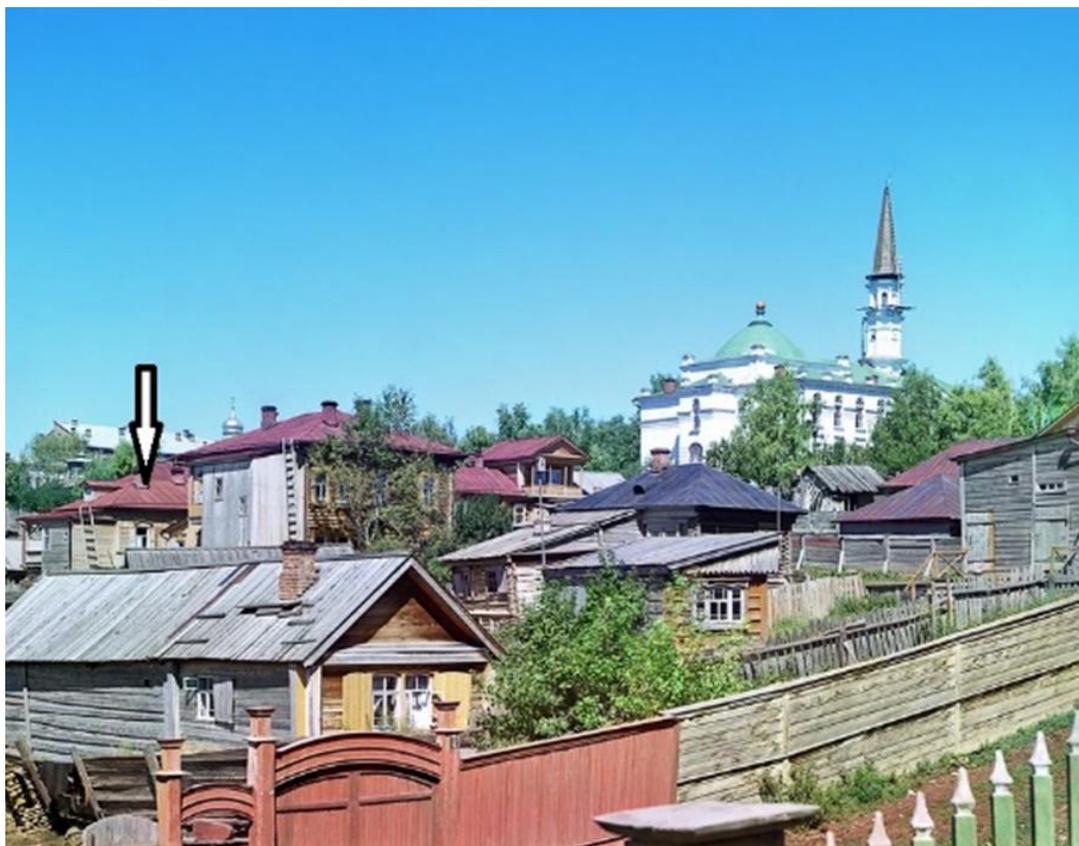
Мои воспоминания носят чисто любительский характер и совершенно не претендуют на оценку с профессиональной точки зрения. Возможно, кому-то может показаться, что текст воспоминаний написан слишком сухим, и даже суконным языком. Но я отнюдь не стремилась к каким-либо стилистическим изыскам. Главной задачей для меня было максимально точно, насколько это, конечно, возможно, воспроизвести свои детские впечатления, а также воспоминания моих родителей. О том, что из этого вышло, судить читателю...

ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО

НАШ ДОМ

Недалеко от моста через реку Белую, рядом с парком Салавата, на краю уфимской горы, прямо напротив соборной мечети стоит - с улицы одноэтажный, а со двора двухэтажный - деревянный дом, внутренний двор которого с редкими яблонями плавно переходит в обрыв, поросший густыми лесными деревьями. Здесь, на улице Салавата, в доме 14, прошли мои детство и юность.

Мой дед купил этот дом еще до революции. По счастливой случайности этот дом попал в поле зрения фотообъектива известного фотографа, пионера цветной фотографии в России – С.М. Прокудина-Горского. Фотография сделана со стороны Случевского парка (ныне парка Салавата) и дает неплохое представление о том, как выглядел и наш дом, и улица в целом, еще в то, дореволюционное время.

С.М.Прокудин-Горский. Вид из Случевского парка на Соборную мечеть. Стрелкой помечен наш дом.

Вид на Соборную мечеть (в центре) со стороны реки Белой.

*Вид на нашу слободку со стороны старого моста.
Справа высится Ильинская церковь, снесенная в 1931 году.*

Крайний справа – дед Терентий

Семья у деда была большая, многодетная – 8 детей: пятеро сыновей (Иван, Дёма /Дементий/, Григорий, Леонид, Михаил) и трое дочерей (Мария, Галина /Ганя/ и Зинаида). Стремясь обеспечить каждого сына отдельным домом, дед приобрел ещё несколько домов и в Старой Уфе. Но первая жена деда, Татьяна, мать всех дедовых детей, умерла еще в сравнительно молодом возрасте, и у деда в связи со смертью жены возникли непростые проблемы. Во-первых, ему срочно пришлось искать ей замену. Кто-то же должен был заниматься и хозяйством, и детьми. Во-вторых, понадобились дополнительные средства на содержание такой большой семьи. И, наконец в-третьих, надвигались грозные революционные перемены, а затем и гражданская война, и Уфа, как известно, оказалась в эпицентре событий. Иметь столько домов тогда было чревато, деда могли записать в разряд контры, и, чего доброго, расстрелять...

Семья деда Терентия Боголюбова

И все дома в Старой Уфе деду пришлось продать. Остался только один дом, о котором идет речь, и где появилась впоследствии на свет я.

Наш дом. Вид с улицы.

К сожалению, с женщинами деду не везло, хотя он был очень импозантным мужчиной. Да и кто бы отважился взвалить на себя такую обузу - восьмерых детей? Поэтому, как правило, его избранницы почти сразу пасовали перед трудностями, и деду приходилось с ними расставаться. Основной груз забот тогда ложился на плечи самой старшей из детей – Марии / тети Маруси/. Может быть, именно это так повлияло впоследствии на её характер, а был он у нее не просто нетерпимый и скандальный, но временами абсолютно невыносимый, я это хорошо запомнила.

Наш дом. Вид со двора (Неизвестный художник).

Наиболее же прочно в семье деда прижилась самая последняя и, пожалуй, самая неподходящая из жён - Марья Николавна, которую я хорошо помню, поскольку прожила она на моей памяти лет десять (деда Терентия уже не было в живых, когда родилась я, и его я знала только по воспоминаниям родителей, разумеется, отрывочным). А М.Н. была фигурой весьма колоритной, и о ней я более подробно напишу позже.

По случайному совпадению наш дом до покупки принадлежал семье, носившей точно такую же фамилию – Боголюбовы. Однако ни в каком родстве мы не состояли, просто так совпало. Это обстоятельство потом, когда моих родителей уже не было в живых, чрезвычайно осложнило продажу нашей части дома...

Первоначально весь дом был частной собственностью всего нашего многочисленного семейства, но затем ситуация изменилась. Незадолго до моего рождения умер дед. Два старших сына деда, Иван и Дёма, умерли ещё раньше, до войны. Младший сын, Михаил, погиб в первые дни Великой Отечественной войны, уйдя на фронт добровольцем. Сын Леонид, профессиональный военный, много лет прослуживший в Монголии, вернулся оттуда в середине 50-х абсолютно больным человеком и вскоре тоже скончался. А дочь Галину /Ганю/ судьба занесла в Среднюю Азию, где она и осела, побывав, пока была жива, на родине всего один раз.

Папа с братом Леонидом

К моменту моего появления на свет ситуация в доме выглядела следующим образом: две папины сестры, Маруся и Зина, занимали (если смотреть со двора) верхний этаж, самый удобный и светлый, с высокими потолками и с застекленной террасой, где в августе тетя Маруся всегда сушила яблоки. Много позже, уже в 70-е годы, когда тете Зине дали квартиру в новом доме, и они с тетей Марусей переселились туда, в их квартире (которая к тому времени была превращена в ведомственную) поселился сотрудник тети Зины с женой.

А папиному семейству сначала было выделено помещение со входом с улицы. И всё бы неплохо, но там были всего две небольшие смежные комнаты и совсем не было кухни. Поэтому на общесемейном совете было решено перевести нашу семью вниз, в полуподвальное помещение, где, несмотря на недостатки (темнота, сырость, мокрицы, мыши), всё же было больше места - как никак, пусть небольшие, но целые три комнаты (две смежные и одна отдельная), плюс кухня с большой русской печью, где мама потом пекла пироги, и где можно было томить настоящие, приготовленные по всем правилам, щи и каши. Был там еще и подпол, где летом можно было подольше сохранять приготовленную впрок еду, а зимой туда переводили кур из сарая, (чтобы не замерзли), где они всю зиму исправно неслись, отчасти решая таким образом нашу непростую продовольственную проблему.

Помещение же, которое первоначально было выделено папе, стали сдавать квартирантам. Был еще и небольшой пристрой со входом со двора, который занимала Марья Николавна, последняя жена деда.

НАША УЛИЦА

Улица Салавата (до революции носившая название «Бельская» по причине близости реки Белой) в пору моего детства была по-деревенски тихой, и летом, среди буйных зарослей травы, здесь спокойно бродили куры, гуси, и даже утки.

Трудно было представить на нашей улице автомобиль, настолько патриархальной она выглядела. И такое положение сохранялось вплоть до начала 60-х годов.

Помнится, наш сосед, работавший тогда в ГАИ, решил пошутить, и, заехав домой на обед, по пути начал в мегафон раздавать грозным голосом указания: «Почему куры на улице? Почему дрова на проезжей части? Убрать немедленно!» Народ тогда повыскакивал из домов, изумленно глядя на неизвестно как оказавшуюся на нашей улице милицейскую машину, и поначалу не понимал, в чем дело. Потом юмор соседа оценили и от души посмеялись.

У каждого дома был свой сад, и в мае, когда всё цвело (яблони, сирень, черемуха), воздух наполнялся дивными ароматами... А вечерами по улице неторопливо шествовало небольшое стадо коров, возвращавшееся с пастбища, находившегося, очевидно, где-то в районе Старой Уфы. До сих пор перед глазами стоит эта пасторальная картинка...

Зимой же наша улица становилась своеобразным снежным лабиринтом. Зимы тогда, как мне помнится, были настоящими - долгими, морозными и снежными. Ни о каком глобальном потеплении никто тогда и слыхом не слыхивал... И вдоль домов вырастали огромные сугробы. Однако все жители содержали территорию вокруг своих домов в идеальном порядке и тщательно расчищали дорожки, так, что любо-дорого было смотреть. И это при отсутствии каких-либо дворников! А всё потому, что несмотря на «мрачные годы советского режима» люди, как это ни странно, чувствовали себя тогда полноценными хозяевами, сознавали свою ответственность за порядок не только во дворах, но и на улице. Надо сказать, что с экологией в то

время всё тоже было в полном порядке, и почти всю зиму снег на улице сверкал ослепительной белизной и только к весне начинал понемногу чернеть.

Несмотря на близость тогдашнего центра (ул. Ленина была всего в 15 минутах ходьбы), мы четко разграничивали нашу слободку и центр города. «Сходить в город», «купить в городе» говорили мы тогда.

Уличная грунтовая дорога, отделявшая наш дом от ряда домов, примыкающих к задней стороне мечети, не всегда была укатанной. Весной и осенью, особенно в дождливый сезон, она превращалась в сплошное месиво, ни проехать, ни пройти. Поэтому выбраться «в город» было весьма проблематично. Тогда главное – было добраться до водоразборной колонки, которая находилась за углом, и помыть обувь. А сделать это было совсем не просто. Грязь на обуви была глинистой и липкой, и долго просто мылилась, но не смывалась. Наши мужчины, работавшие в центре города, выходили из положения следующим образом: надевали на ботинки (тогда их называли «штиблеты») галоши, а женщины – боты, которые так же надевались на модельные туфли. Придя на работу, галоши и боты снимали и ходили в чистой обуви.

Улица Салавата. Противоположная сторона.

Необходимо напомнить, что наша улица была знаменита тем, что здесь на пересечении Бельской и Случевского переулков (позже названного улицей Благоева, ныне - Расулева) в большом красивом деревянном доме когда-то жила семья выдающегося русского писателя и общественного деятеля – Сергея Тимофеевича Аксакова. К своему большому стыду, ни я, ни мои ровесники в детстве практически ничего об этом не знали. Может быть, в частности, потому, что в этом доме в то время располагался кожно-венерологический диспансер, и мы – и взрослые, и дети, старались обходить его стороной. А упоминать о нем в разговоре было просто неприятно. Спустя годы, после долгой паузы, здесь разместилась местная библиотека, а в самом начале 90-х дому был присвоен статус дома-музея С.Т. Аксакова, и после соответствующего ремонта он был, наконец, восстановлен в первоначальном виде.

Дом-музей С.Т.Аксакова

Очень украшала эту часть города аллея («аллейка», как мы её называли), протянувшаяся от парка Салавата до парка Матросова. Уже в середине двухтысячных было восстановлено её оригинальное название - «Софьюшкина аллея» - по имени жены одного из сыновей С.Т.Аксакова, Григория, бывшего одно время губернатором г.Уфы.

Возможно, по прочтении этих описаний у кого-то может сложиться в основном весьма благостное представление об улице Салавата, однако было бы совершенно неправильно считать жизнь нашей улицы лучезарной. В ней было много всякого – и хорошего, и плохого, и печального... И трагического, и даже страшного...

Так, например, в самом начале 50-х покончил с собой (повесился) отец моей главной на тот момент подруги, Нэльки Валеевой, чей дом стоял прямо напротив нашего дома. Трудно сказать, что послужило причиной самоубийства её отца. Ходили слухи, что, будучи парторгом типографии, где он тогда работал, он потерял свой партийный билет... Кто-то же утверждал, что всё это просто произошло во время очередного запоя, так как Нэлькин отец был сильно пьющим человеком. Во всяком случае, это трагическое событие, конечно же, не могло не повлиять на всю дальнейшую Нэлькину судьбу...

Происходили на нашей улице и жестокие драки (в основном по пьянке), доходившие иногда до нанесения серьёзных увечий, от которых, как это ни странно, пострадавшие довольно быстро потом оправлялись...

Не обходилось и без поножовщины. Так, мой брат Вова месяц с лишним пролежал в больнице, пережив серьёзную операцию, после того как в пылу ссоры его пырнул ножом в живот его ближайший друг, Лёнька Гайсин. Это произошло рядом с нашим домом среди бела дня, и я оказалась невольной свидетельницей происшествия. До сих пор у меня перед глазами стоит эта картина: взмах Ленкиной руки, и тут же по животу моего брата, как в замедленной съёмке, начинает расплзаться кровавое пятно... К счастью, больница (ныне госпиталь на ул. Тукаева), куда тут же увезли моего брата, находилась буквально в двух

минутах ходьбы от нашего дома, и брата сразу же отправили на операционный стол.

Уже спустя какое-то время, когда основательно стерлась острота события, а мой брат, полностью выздоровев, успел даже помириться с Лёнкой, в нашем парке Салавата состоялось выездное заседание суда, которое проводилось на открытой веранде, и на котором присутствовали почти все жители нашей улицы, в том числе и мы, дети. Помню, как Лёнка бил себя кулаком в грудь и каялся, размазывая слезы по щекам. В результате всё закончилось для него условным сроком...

Были на нашей улице и свои записные буяны, регулярно приходившие бить окна своим бывшим жёнам, выгнавшим их из дома за неподобающее поведение... Одного из таких «обиженных» звали Шараф, и когда в соседнем дворе в очередной раз раздавался звук разбитого стекла, все говорили: «Ну вот, опять Шараф буянит!»

И, наконец, весьма серьёзную «лепту» в формирование особой атмосферы нашей улицы внесла пресловутая амнистия 1953 года, когда сразу в нескольких домах почти одновременно появились люди, отсидевшие в тюрьмах за уголовные преступления иногда не по одному десятку лет. Об этом я позже напишу более подробно...

О МОИХ РОДИТЕЛЯХ

Папа:

Отец мой, Григорий Терентьевич Боголюбов, родился 7 февраля 1909 года (умер 21 декабря 1992 года).

Папин отец, мой дед - Терентий Михайлович - был из мастеровых, вырос в семье старообрядцев. Православную церковь староверы не признавали, поэтому в доме деда, получившем статус молельного, был свой иконостас, где могли молиться все члены местной старообрядческой общины. Впрочем, на деде вся эта староверческая традиция и закончилась. В те годы, как известно, в стране велась яростная борьба с религией, и дети деда, а тем более внуки, были уже совершенными атеистами. Поэтому после смерти деда весь иконостас перекочевал в дом других членов общины, и о старообрядческой вере в нашей семье было забыто навсегда...

Дед Терентий (в центре) среди делегатов профсоюзного съезда (1924.)

Дед плотничал, после того как семейство во главе с его отцом, моим прадедом Михаилом, перебралось из деревни в Ярославской губернии в Уфу. Дед был бригадиром плотницкой бригады, и под его началом какое-то время работали и его сыновья, и мой папа в том числе.

*Дед Терентий (в первом ряду второй слева)
и его бригада плотников*

До войны, особенно в годы НЭПа, когда папа работал в плотницкой бригаде деда, он, видимо, очень неплохо зарабатывал. Во всяком случае, как видно по сохранившимся фотографиям, папа красиво одевался и выглядел настоящим франтом. Частенько с друзьями он сживал в уфимских ресторанах, куда они ходили в первую очередь вкусно поесть. Пить спиртное в нынешних количествах тогда было не принято. А куражу-то всё равно хотелось! Хотелось почувствовать опьянение. И папа потом вспоминал, как его компаньон, дальний родственник Василий, каждый раз напоминал: «Много не ешь, а то пьяны не будем!»

Походы по значным местам тем не менее не мешали папе повышать свой образовательный уровень, и в это время он закончил рабфак, который тогда располагался в нынешнем здании факультета романо-германской филологии БГУ.

Здание рабфака

Папа – рабфаковец (в первом ряду крайний справа)

По окончании рабфака папа совсем перестал плотничать и устроился работать техником в Уфимское городское инвентаризационное бюро (ныне БТИ).

Папа был музыкально одарен, хорошо играл на струнных: гитаре, балалайке, мандолине, домре. Даже стал музыкантом Уфимского оркестра народных инструментов. Причем не зная нотной грамоты, так как был самоучкой. Любовь к игре на гитаре передалась потом от него и моим братьям (но не мне, к сожалению, хотя музыкальный слух у меня был).

Неаполитанский струнный оркестр союза «Строитель»
под рук. т. В. Дьяченко.
Папа - в первом ряду крайний справа

В свои тридцать три года папа ушел на фронт, служил в пехоте, был старшиной («старшИнка», как его тепло называли подчиненные), воевал на 2-м Украинском, защищал Сталинград, а День Победы встретил в Австрии. Имел награды.

Настоящим чудом было то, что за всё время боевых действий папа фактически ни разу не был ранен, несмотря на весь тот ад, через который он прошёл. Сквозное ранение в ногу не считается. Вспоминал он о войне очень сдержанно, видимо, много чего страшного и неприятного пришлось ему пережить на фронте. В основном всё сводилось к одним и тем же воспоминаниям. Не исключено, что к самым щадящим. А нам, детям, надоедало слушать одно и то же. Да и война, как казалось нам тогда, была уже давно... Мы (я и мои ровесники) были уже детьми мирного времени. И всё-таки отдельные эпизоды из его рассказов врезались в память.

Папа рассказывал, как, отступая через донские степи летом 1942 года, больше всего боялся отстать от своих, осесть на каком-нибудь хуторе примаком под боком у какой-нибудь вдовушки. Хотя желающие это сделать были. И кто-то отставал... Какая их ждала судьба, когда этот район занимали немцы, можно только догадываться... А еще больше он боялся попасть в плен. Вот это уж точно был бы конец! Думаю, здесь сыграла роль определенная черта папиного характера. Он всегда был сверхосторожен. Мама даже нередко посмеивалась над ним: «Тележного скрипу боишься!». Однако именно эта черта зачастую его и спасала. Так,

например, при отступлении папа никогда не ленился вырыть индивидуальный окоп в рост человека, так, чтобы там можно было еще и присесть, и спастись таким образом во время танковой атаки. А многие его товарищи считали, что это – бессмысленное занятие. Лето, жара, столько сил на это уходит, а танк-то, может быть, просто проедет мимо. И многие так и погибли из-за своей беспечности...

Вспоминал папа и курьезные моменты, отдававшие черным юмором. Когда уже погнали фашистов на запад, то зимой ставили у обочины дороги трупы немецких солдат с заочневшей вытянутой рукой в качестве дорожного указателя с надписью: «На Берлин!»

Был и еще один эпизод из папиных рассказов, который мне запомнился. Наши вели колонну пленных немцев, и вдруг из этой колонны (рискуя жизнью) вырвался немец и набросился на стоявшего поодаль нашего солдата с явно семитской внешностью. Воскликая: «Jude! Jude!», немец попытался ни больше, ни меньше, как избить этого солдата. Его еле отодрали. Что сподвигло немца на этот поступок, можно только гадать... Но происшедшее настолько поразило наших конвоиров, что они в шоке просто вернули пленного немца в строй, даже не наказав его...

Папа вернулся домой в мае 1946 года.

Невозможно описать словами, каким грандиозным событием стала для нас тогда наша победа в этой самой страшной из войн. Даже мы, маленькие дети, понимали степень этой грандиозности! И пусть не было тогда ежегодных парадов 9-го мая, зато мы знали имена всех главных героев Великой Отечественной, и особенно героев-детей, по сути наших ровесников! Это было святое!

И хотя День Победы 9 мая, тогда был ещё обычным, непраздничным, днем, но в каждой семье, где были фронтовики, живые или погибшие, люди считали своим долгом вечером сесть за празднично накрытый стол и помянуть тех, кто не вернулся с войны, и ещё раз выпить за победу. И долго в этот вечер за столом звучали песни тех лет, которые мы очень любили: «Эх, дороги, пыль да туман...», «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат...» и многие другие...

К сожалению, к радости по случаю Великой Победы в этот день (и не только в этот день) примешивалась и горечь от того, что

многие наши ветераны уходили на фронт чуть ли не трезвенниками, а вернулись оттуда ...сильно пьющими людьми. Понятно, что без так называемых «наркомовских ста грамм» весь ужас войны вынести бывало иной раз просто невозможно, а уж тем более ходить в атаку, где тебя наверняка могли убить... И всё же не эти пресловутые сто грамм сыграли свою роковую роль...

Когда наши, уже наступавшие, войска пересекли западную границу, то многое поразило их воображение: и климат, и прекрасные дороги, и аккуратные, ухоженные (там, где не велись интенсивные бои) улицы и дома, и обилие цветов вокруг... Всё это было так непривычно для сознания простого русского солдата, столько времени проведенного в грязных окопах... Но самым сильным впечатлением в тот момент стало отсутствие ежеминутной мысли о смерти, и люди впервые смогли расслабиться. И если где-то в Германии всё ещё шли яростные бои, то в Венгрии и в Австрии, где волею судьбы оказался мой папа, уже фактически установилась мирная жизнь. Но что делать нашему солдату в этой чуждой ему мирной жизни на чужой мирной территории? И так случилось, что решению этой проблемы в немалой степени способствовало наличие в каждом доме подвальчика, где хранилось домашнее вино нередко многолетней выдержки. Сладкое, вкусное вино, от которого, как казалось, и захмелеть-то по-настоящему было невозможно. Однако так только казалось. Каждый день выпивалось этого вина немеряно (а чем еще заниматься в этой ситуации, дел-то никаких!), кайф от этого вина был более чем приятный, да и хозяева предпочитали угостить наших, чтобы те стали «добрее», и люди в конце концов подсаживались не на шутку... Это уже становилось их привычным состоянием, а вся жизнь представляла в розовом свете. Короче, многие просто элементарно спивались.

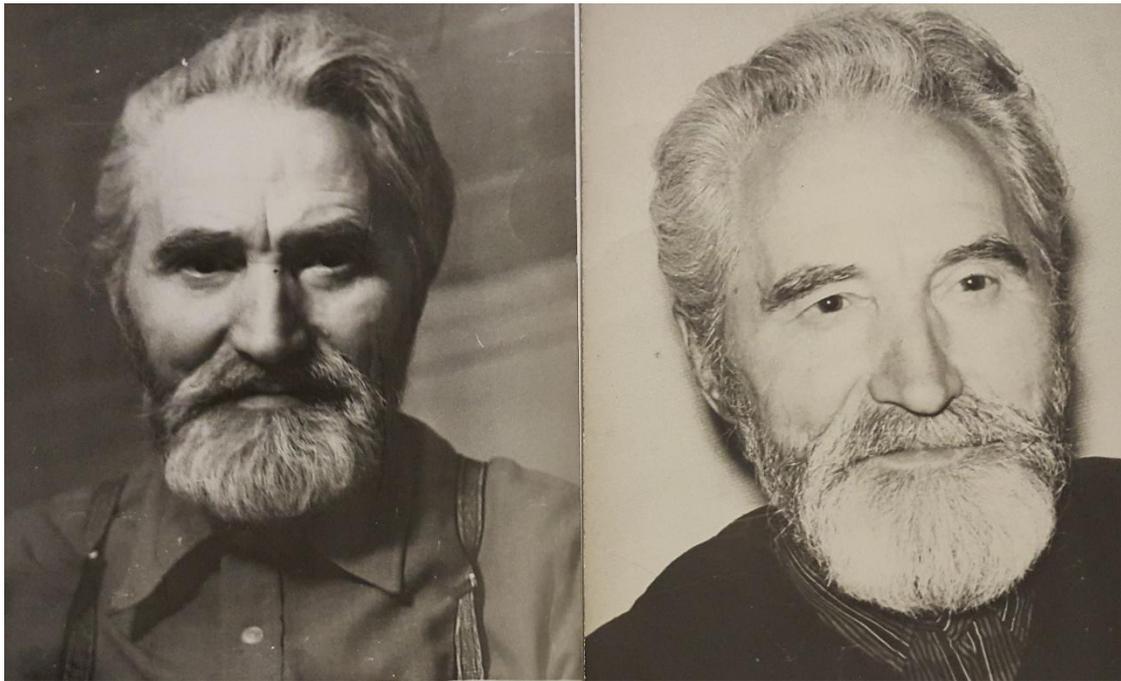
Думается, что и по возвращении на родину, где бывших воинов ждала масса новых проблем, выпивка также для многих неизбежно становилась своеобразной палочкой-выручалочкой. Слава богу, алкашом или запойным пьяницей папа не стал (опять сыграла роль его фирменная свехосторожность), но выпить он очень любил и выпивал довольно крепко, поскольку обладал

отменным здоровьем, но только по «престольным» (нередко исключительно в его понимании) датам и при этом старался не потерять человеческий облик, так как его всегда очень волновало, как он выглядит в глазах окружающих.

И всё же, думаю, маме всё это доставляло мало радости. Иногда, когда папа «зависал» где-то с друзьями-однополчанами, ей приходилось волноваться, где он, что с ним, не случилось ли чего... Были случаи, когда с этих пьянок-гулянок папа возвращался уже за полночь, в темноте, чтобы его никто не видел, и в буквальном смысле «на бровях», и тогда маме стоило больших усилий привести его в порядок, чтобы утром он, как ни в чём ни бывало, мог пойти на работу весь из себя такой элегантный... Справедливости ради, стоит всё же отметить, что папа, даже в пьяном виде вел себя очень смирно (сверхосторожность), поэтому я не припомню, чтобы у нас дома были какие-нибудь скандалы по поводу папиного пьянства. Только спустя многие годы, когда папа был уже глубоким пенсионером, он вдруг однажды, крепко выпив, ни с того, ни с сего повёл себя довольно агрессивно по отношению к маме, но всего лишь одного вызова участкового стало достаточно, чтобы это больше никогда не повторялось.

Папа до самого конца выглядел очень хорошо. Седая, довольно густая шевелюра, усы, окладистая аккуратная бородка, за которой папа тщательно ухаживал, и которая позволяла ему в старости удачно скрывать, пожалуй, единственный недостаток его внешности – полное отсутствие зубов. Именно благодаря своему внешнему виду ему удалось стать в одно время (конечно, не без содействия сестры жены брата Вовы, в то время модельерши) манекенщиком Уфимского дома моделей.

Как я уже писала, еще до начала войны папа уже больше не плотничал, а устроился техником в городское инвентаризационное бюро, где и работал до самой пенсии.

Папины коллеги по работе, зная его равнодушное отношение к своему внешнему виду и провожая его на пенсию, решили сделать папе приятное и пошить ему добротный костюм на заказ. Это был очень щедрый подарок. Конечно, пошив одежды в ателье тогда обходился недешево, но дело в том, что, к сожалению, далеко не всё можно было купить в магазине одежды, тем более точно по размеру.

Папа шел на проводы в большом предвкушении. Он уже заранее знал, какой подарок его ждёт, так как ему перед этим пришлось

неоднократно ходить на примерки. Однако с церемонии проводов он вернулся домой совершенно убитый горем.

Сначала всё шло гладко – ему говорили приятные вещи, отмечали его заслуги, вручали грамоты - в общем всё происходило так, как это обычно бывает на такого рода мероприятиях. Но вот настал папин черед держать ответное слово. А он так расчувствовался и разволновался, что все нужные слова как-то сразу вылетели у него из головы. Крутились какие-то обрывки расхожих клише, и папа, наконец, выдал: «Благодарю вас за ваш скромный подарок!» Повисла мертвая пауза. Можно представить, *что* подумали в этот момент его сотрудники, возможно, с немалым трудом собравшие нужную сумму. А папа даже не сразу понял, *что* же он сморозил. Уж как он потом выкручивался из этой ситуации, не знаю. Но переживал он очень сильно и довольно долго. Думаю, ему пришлось потом устроить сотрудникам дорогое застолье и долго извиняться за свой ляп.

Было у папы и одно серьёзное увлечение, которое он пронёс через всю свою жизнь, – фотография, благодаря чему в нашем семейном архиве сохранилось значительное количество своего рода фотодокументов.

Про пристрастие же папы к спиртному мне вспомнилось не случайно. Именно это пристрастие, в конце концов, и послужило причиной его неожиданной гибели, по-другому и не скажешь... После смерти мамы папа впал в глубокую депрессию, и выпивка его спасала, помогала забыться. А это было самое начало 90-х, когда кругом торговали контрабандным спиртом Royal и паленой водкой. Многие тогда травились, а выпивка часто превращалась в своеобразную русскую рулетку: то ли выживешь, то ли нет... Вот папа и не выжил.

Мама:

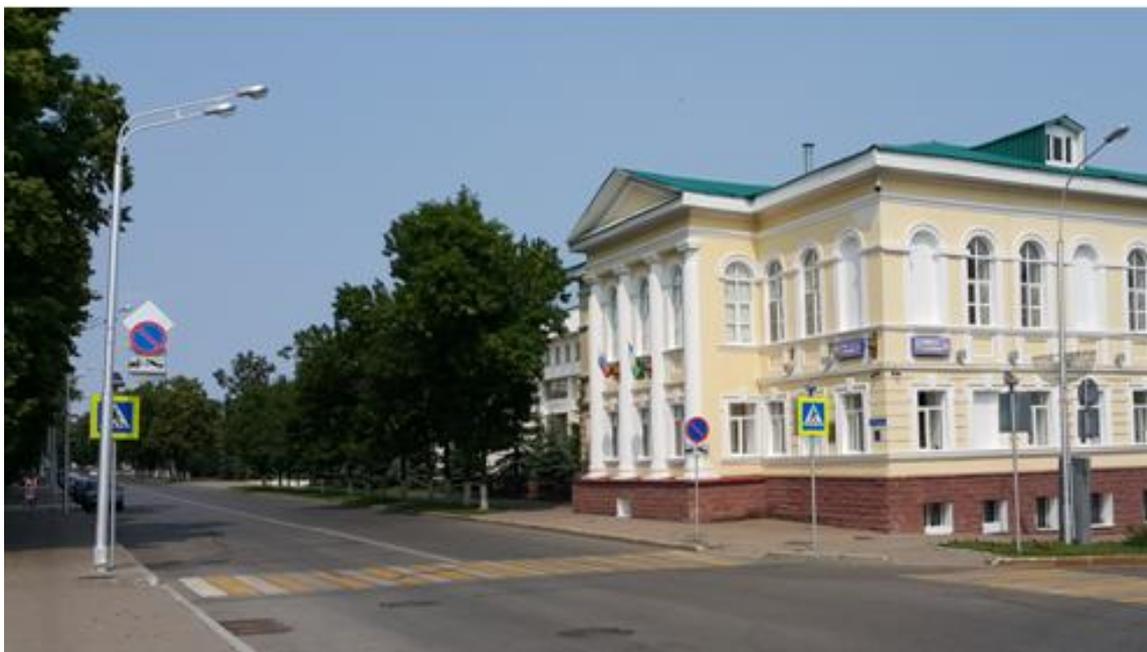
Моя мама – Боголюбова Галина Ивановна (урожденная Полозова) родилась 8 января 1909 года. Умерла 13 сентября 1991 года.

Раннее детство мамы прошло в Уфе на Губернаторской улице (ныне это ул. Советская). Здесь, примерно посередине квартала между нынешними улицами Тукаева и Заки Валиди (Фрунзе), прямо напротив парка им. Матросова, стоял одноэтажный деревянный дом, где когда-то и жила мамина семья. Дом этот потом ещё долго не сносили, и я его хорошо запомнила.

Дед - Иван Иванович Полозов - мамин отец, был выходцем из разночинцев. Работал бухгалтером в одном из уфимских учреждений. Работал он много, так как ему одному приходилось содержать, шутка ли, десятикомнатный дом с прислугой и кухаркой (мамина мать, Мария Венедиктовна, тогда не работала и занималась исключительно воспитанием детей, которых было трое: моя мама, её младшая сестра Мария и младший брат Александр, который умер в подростковом возрасте).

Справа на заднем плане – дом, где жила моя мама.
На переднем плане – губернаторский дом.

Так выглядит южная часть Советской (Губернаторской) улицы.
Старые дома уже снесены. На заднем плане виднеется здание
Курултая.

Где-то здесь перед нынешним Курултаем стоял дом моей мамы.
Я нередко проходила мимо него.

Напротив ее дома радовал глаз Ушаковский парк.
(ныне парк Матросова). Снимок 2016 г.

А запросы у маминой мамы были непростыми. Как никак дворянских кровей, да ещё с польскими корнями... Поэтому мамин отец много работал сверхурочно и очень сильно уставал. Видимо, напряжение было столь велико, что, в конце концов, это не могло не сказаться на его психическом здоровье – у него помутился рассудок. Вот одно из маминых самых ранних детских воспоминаний того периода: отец сидит полураздетый на кровати и спорит со своей голой коленкой, говоря поочередно то от своего имени, то от имени коленки и доводя себя при этом до полного иступления: «Немцы на горЕ!» (в то время уже шла война с Германией), на что коленка не без иронии отвечала, как бы подначивая собеседника: «Да ну?!» - «Вот то-то и оно!» раздраженно реагировал отец, но коленку это мало убеждало, и весь разговор повторялся снова и снова. Заканчивалось всё, как правило, дракой, и отец разбивал коленку в кровь. Представьте, каково всё это было наблюдать маленьким детям, в частности, моей маме...

К счастью, характер психического заболевания маминого отца на тот момент позволил ему полностью излечиться. Но врачи категорически запретили ему заниматься какой-либо умственной деятельностью. Какое-то время он это условие старался выполнять, но потом, когда уже всем показалось, что болезнь полностью отступила, он вновь вернулся на прежнюю работу в должности бухгалтера. Ведь кто-то же должен был содержать и дом, и семью. Нет нужды говорить, что это был крайне опрометчивый шаг. И всё закончилось очень печально, так как его болезнь не только возобновилась, но перешла уже в неизлечимую форму. Прожил он в таком состоянии совсем недолго и вскоре умер.

Смерть отца полностью перевернула весь жизненный уклад маминой семьи. Десятикомнатный дом пришлось срочно продать. Было принято решение переехать в городок поскромнее и потише, в Белебей, где жила тогда свекровь, мать И.И., и где можно было бы заодно отсидеться во время происходящих в стране страшных событий... М. В. была вынуждена устроиться на работу в школу учительницей математики (качественное

гимназическое образование позволяло ей это сделать). Кроме того, на какое-то время ей удалось отправить детей в Сибирь, в Томск, к своей матери-польке, чтобы хоть как-то свести концы с концами.

Надо сказать, отношения с этой бабкой у детей никак не складывались. Была она высокомерной, надменной, была педантична в своих привычках и требовала от внуков, которые её крайне раздражали, неукоснительного выполнения установленных ею правил. Неудивительно, что в глазах детей она не выдерживала никакого сравнения с бабкой со стороны отца - добросердечной женщиной, с которой детям было легко и просто... К тому же и в Сибири, как известно, было тоже крайне беспокойно, а иногда происходили просто страшные вещи. Моя мама на всю жизнь запомнила, как у неё на глазах на томском рынке арестовывали женщину, продававшую вареную человеческую ногу... Всё это, конечно же, ускорило возвращение детей в Белебей.

Но и Белебей в то время представлял собой отнюдь не тихую заводь. Здесь шли военные действия и город постоянно переходил из рук в руки. То белые сменяли красных, то красные – белых. И конечно, детское воображение в большей степени поражали офицеры-белогвардейцы, останавливавшиеся на постой в их доме: это были образованные люди, с прекрасными, даже изысканными, манерами, к тому же (только представьте!) носившие белоснежное бельё из чистого шелка! Как выгодно это отличало их в глазах детей от хамоватых и неопрятных «комиссаров в кожаных тужурках». Один такой «комиссар», например, повадился каждый день приходить в мамину семью обедать, а по сути просто объедать людей, добывавших себе пропитание с таким трудом. И каждый раз при этом он приговаривал: «Вот, пришёл. Хоть в буржуйских креслах посидеть!»

Наконец гражданская война закончилась, и на всей территории страны установилась советская власть. Моя мама к тому времени уже училась в школе, испытав непосредственно на себе действие

особого направления в обучении – педологии, когда одно и то же явление рассматривалось одновременно на разных уроках с позиций разных наук - географии, биологии, психологии, педагогики и т.д. Трудно сказать, чего от этого подхода было больше – пользы или вреда, но помню, что сама мама описывала этот подход с большой долей скепсиса. Преподавали в школе в основном специалисты «из бывших», и это в целом гарантировало высокое качество обучения. Хотя попадались и шарлатаны. Так, занятия по физике у мамы вёл «преподаватель», который в течение нескольких лет подряд объяснял одну и ту же тему – про рычаги.

После окончания школы мама поехала в Уфу, где поступила на факультет естествознания Учительского института, позже преобразованного сначала в Башкирский государственный педагогический институт им. К.А. Тимирязева, (который тогда находился в здании по Телеграфной улице, ныне ул. Цюрупы 9, и где в настоящее время расположен один из корпусов Уфимской академии искусств им. Загира Исмагилова), а затем в Башкирский государственный университет (БГУ).

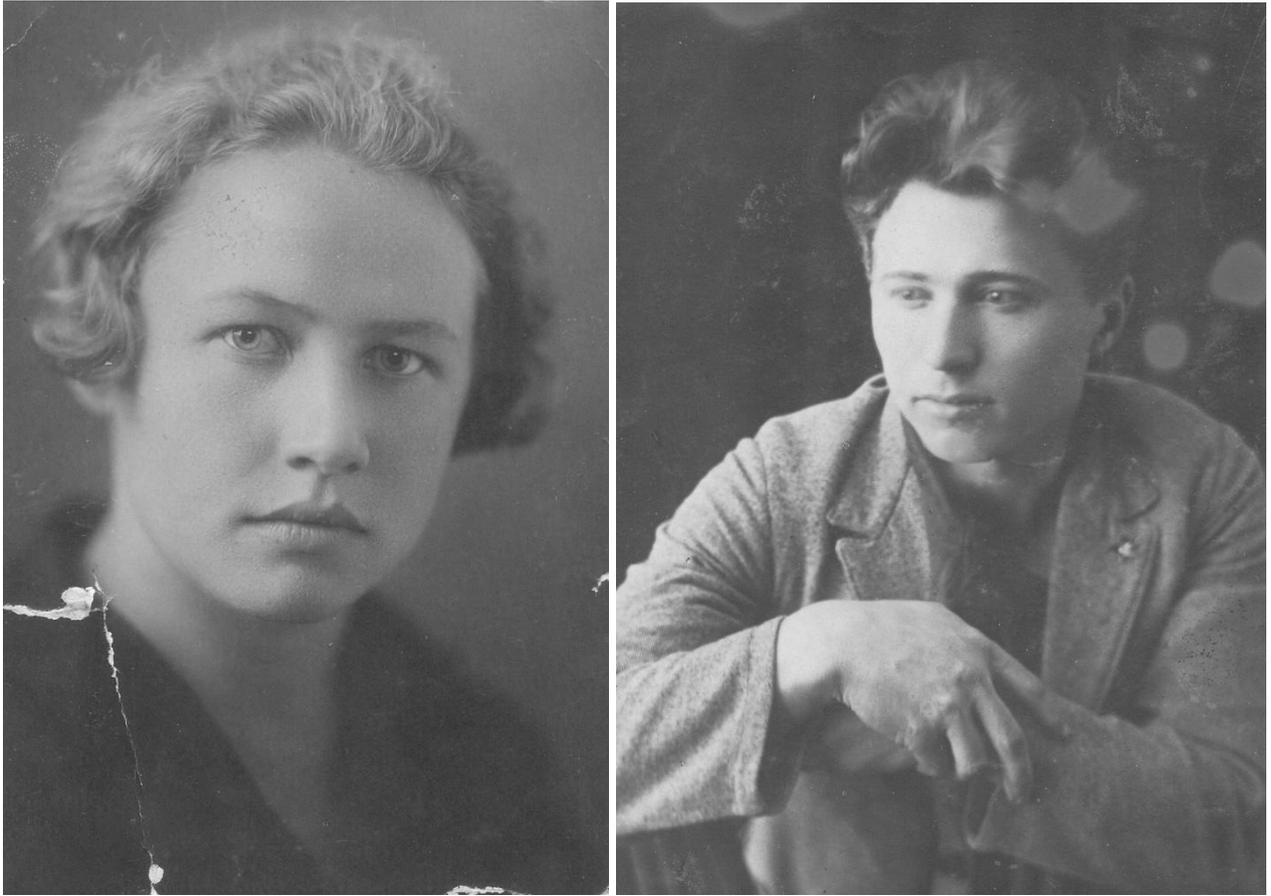
Учительский институт

*Мама – студентка Учительского института
(слева во втором ряду)*

Закончив обучение в институте, мама вернулась в Белебей, где стала преподавать химию в школе. Там же, в Белебее, она познакомилась с моим папой, который приезжал туда в командировки и по случайности однажды остановился в доме, где жила моя мама...

Встреча моих будущих родителей была поистине судьбоносной. Дело в том, что у папы тогда была невеста, красавица Татьяна, и уже была назначена дата свадьбы. А мама в тот момент уже была замужней женщиной, и её мужем был военный, служивший где-то в другом городе и бывавший в Белебее редкими наездами. И всё это рухнуло в одночасье, стоило только папе с мамой увидеть друг друга... Это была настоящая роковая страсть! Прямо как в романах!

Неудивительно, что родня и с одной, и с другой стороны, была в полном шоке. М.В. сразу возненавидела моего папу лютой ненавистью. И папа отвечал ей взаимностью. В конце концов эта ситуация поставила маму перед непростым выбором: или муж, или мать. Мама выбрала мужа, и М.В. постепенно окончательно исчезла из их жизни, особенно после того, как папа, вопреки воле родственников, перевёз маму в Уфу, где её тоже никто не ждал.

Разумеется, и папины сестры относились к моей маме с особой, плохо скрываемой неприязнью. Правда, при этом вынуждены были признать, что у папы с мамой была такая настоящая любовь, какую редко встретишь: когда между любящими устанавливается какая-то особая связь на тонком уровне. Именно благодаря этой невидимой связи мама вдруг, как казалось, ни с того, ни с сего, бежала на вокзал встречать папу из командировок и ни разу не ошиблась, хотя он ничего не сообщал ей заранее ни о дне, ни о точном времени приезда. И именно поэтому позже, уже

во время войны, она ни на секунду не поверила в гибель папы, получив на него похоронку.

Единственным человеком (помимо папы, конечно), с кем у мамы установились добросердечные и доверительные отношения, был папин отец, мой дед Терентий. Они подолгу общались, обсуждая разные проблемы. В лице моей мамы дед, склонный порассуждать на серьёзные темы, нашёл достойного собеседника. Подкупало деда то, что, в оценке многих событий их взгляды с мамой полностью совпадали. Так, оба они, относившиеся резко отрицательно к комиссарско-большевистскому периоду в истории нашей страны, напротив, высоко оценивали роль Сталина, испытывали к нему самое неподдельное уважение, хотя, наверняка, знали и про аресты, и про репрессии, ведь бригада деда одно время ремонтировала здание уфимского НКВД, и дед много чего там увидел и услышал... Конечно же, все эти рассуждения не были предназначены для чужих ушей, я даже думаю, что далеко не всем, о чем мама говорила с дедом, она могла тогда поделиться даже с папой. А я узнала обо всём об этом от мамы уже много лет спустя...

Во время их совместной жизни в Уфе, мои родители вплоть до моего рождения свой брак не регистрировали, считая, что в этом для них не было никакой необходимости.

Нередко папа с мамой удивляли родственников своими привычками. В частности, тем, что в определенные дни, всегда в одно и то же время (если папа не уезжал в командировку), они ходили в кино. И эта традиция никогда не нарушалась. Папины сестры тогда прозвали моих родителей «немцами». «Вон, опять наши «немцы» в кино пошли», говорили они. Это прозвище сохранялось за ними до начала Второй Мировой, когда называться немцами стало уже просто опасно.

В начале 30-х у папы с мамой одна за другой, с интервалом в год, родились две дочери – Ирина и Дина. К несчастью, прожили они недолго. Дина вскоре умерла, так как у нее был врождённый порок сердца, и врачи предупредили моих родителей, что проживет она недолго. А спустя некоторое время умерла и

Иришка. После операции (аппендицит) у нее начался перитонит, и врачи не смогли ее спасти... Надо ли говорить, какая это была травма для моих родителей. Поэтому, когда в 1935 году у них родился сын, мой старший брат Гриша, родители тряслись над ним и берегли его как зеницу ока.

Спустя шесть лет, в 1941 году, родился мой средний брат, Вова.

Когда, в 42 году папа ушел на фронт, мама с сыновьями перебралась в Белебей, где, как казалось, им было бы проще пережить то тяжелое, голодное время. Голод – это было главное воспоминание о жизни в Белебее. Что только мама не предпринимала, чтобы сыновья не голодали. Себе она отказывала тогда буквально во всем и страшно исхудала, но зато смогла купить двух коз чтобы поить мальчишек козьим молоком. Коз этих, правда, вскоре украли и, видимо пустили на мясо... Тогда мама договорилась с местной столовой, чтобы ей оставляли картофельные очистки. Очистки эти потом жарились на рыбьем жире, который достался маме по случаю. И это было настоящее пиршество!

Белебеевский голод запомнился и маме, и её сыновьям надолго. Мой средний брат, например, ещё долго потом не мог «отъестся». Мама вспоминала, как уже в Уфе, по прошествии нескольких лет, за ужином, он, видя, как стремительно пустеет сковорода с жареной картошкой, вдруг обнял ее и заплакал... И тогда все отступились, позволив ему одному доесть всё, что было на сковороде.

Весной 46 года, одновременно с возвращением папы, мама с детьми вернулась в Уфу.

А в 1947 году, родилась я.

Мое рождение сильно подкосило маму. Во-первых, ей к тому времени исполнилось уже 38 лет, и роды дались ей очень нелегко. У неё в результате развился серьёзный тромбофлебит, а также сильная гипертония, и мама в течение многих лет, сколько я её помню, постоянно страдала от мучительных головных болей. При этом она никогда не жаловалась, и у нас создавалось

впечатление, что ничего страшного с ней не происходит. Во-вторых, 47-й год был одним из самых тяжелых и голодных, и у мамы совершенно пропало грудное молоко. Кормить меня тогда пришлось коровьим молоком, которое покупалось у соседей, державших корову. Всё это не могло не отразиться и на моём здоровье тоже, и я часто и подолгу тяжело болела, доставляя бедной маме массу хлопот.

В конце концов, многолетние мамины недуги закончились двумя тяжелейшими инсультами, происшедшими с интервалом в десять лет, от последнего из которых она и скончалась в 1991 году.

О МОИХ БРАТЬЯХ

Гриша

На переднем плане - Гриша с собачкой Мурзиком

Мой старший брат был центральной фигурой в нашей семье. Потеряв двоих дочерей, мои родители делали всё, чтобы с единственным на тот момент сыном ничего подобного не произошло. Еще будучи подростком, он стал для родителей непререкаемым авторитетом, и они вполне заслуженно обращались с ним как с равным.

Талантов у Гриши было много. Он был очень любознательным, много читал, хорошо соображал, всё схватывал на лету и хорошо учился. Был очень живым, подвижным, у него на всё была своя быстрая и чёткая реакция, и это делало его чрезвычайно привлекательным в глазах окружающих. Среди своих друзей он слыл безусловным лидером.

У него был хороший голос, и одно время он пел в Уфимской хоровой капелле. Хорошо играл на гитаре и мог с легкостью подобрать на слух любую мелодию.

После школы-восьмилетки, имея склонность к точным наукам, Гриша поступил в электромеханический техникум и закончил его с отличием.

Родители прочили ему большое будущее. Но, к глубокому сожалению, всем этим ожиданиям не суждено было сбыться...

Как я уже писала, в середине 50-х, после амнистии, на нашей улице появилось сразу несколько бывших сидельцев. Было понятно, что их выпустили «на дожитие», потому что у них у всех был туберкулёз в последней стадии. Нам, младшим детям (в основном, девочкам), и в голову не приходило с ними общаться. Ничего кроме страха они нам не внушали.

Но вот наши старшие братья проявляли к этим людям самый недюжинный интерес. Их привлекала тюремная романтика, им интересно было послушать лагерные байки, тем более что на фоне каждодневных будничных и малоинтересных событий эти люди, судя по их рассказам, выглядели чуть ли не героями. Наши родители целый день проводили на работе, приходили домой сильно уставшими, и на общение с нами, детьми у них часто не оставалось ни времени, ни сил. А вот у бывших заключенных свободного времени было навалом, и наши старшие братья часто забегали к ним поболтать о том, о сём... И эти люди мало-помалу превратились в своего рода «наставников».

Криминализация сознания нашей молодежи происходила стремительно. У всех появились клички: Буля, Глухой, БГ (Гришины инициалы), Абраша... И теперь вместо фронтовых песен на нашей улице всюду зазвучал блатной репертуар. А у каждого в кармане появился неременный атрибут - самодельный финский нож, «финка», с наборной рукояткой, вырезанной из разноцветных мыльниц.

Уличные приятели Гриши

Но самым страшным новшеством стала двойная жизнь наших старших братьев. Днем они, как ни в чём ни бывало, ходили учиться (а кто-то уже и работал), а вечером, когда становилось темно, выходили «на промысел»: зимой снимали со случайно забредших в наши края прохожих шапки, отбирали у них часы, а летом «раздевали» прилично одетых людей.

Пару раз приобщился к этому промыслу и мой старший брат, о чем он мне сам поведал совсем недавно. На его счастье это его «увлечение» длилось совсем недолго, иначе неизвестно, чем бы всё закончилось... Неудивительно поэтому, что родители вздохнули с облегчением, когда Гришу на три года призвали в армию.

Как я понимаю, Гриша, привыкший к особому к себе отношению, с трудом переносил трудности новой, армейской жизни (курса молодого бойца), и однажды вечером, когда мы ужинали, к нам

кто-то постучался. Мы с мамой выглянули в окно и увидели, что там, в сумерках, стоит ...Гриша. Он сбежал из армии!

И вновь ему относительно повезло, так как он не успел принять военную присягу. Иначе бы всё закончилось военным трибуналом и тюремным сроком. А так – его просто призвали заново и на этот раз отправили на флот, где он оттрубил целых пять лет...

Пять лет – огромный срок, и когда Гриша, отслужив, вернулся домой, я воспринимала его как совершенно чужого человека, даже обращаясь к нему первое время на «вы». Да и сам он, проведя столько времени на корабле, вдали от берега, в значительной степени «одичал». И в первую очередь ему, конечно же, хотелось расслабиться и вкусить все прелести жизни «на гражданке». И он пустился в дикий загул. Тут уже было не до

Куйбышевского института связи, куда он сначала с легкостью поступил на заочное отделение, но вскоре бросил учёбу и больше к этому не возвращался.

Конечно, для кого-то должность зам. начальника цеха, которую Гриша получил позже, не имея высшего образования, уже работая на приборостроительном заводе, стала бы достойным завершением карьеры, но всё же я считаю, что мой брат был способен на большее...

Дальнейшая судьба моего старшего брата складывалась по-разному, но об этом я напишу уже в следующей части моих воспоминаний.

ВОЛОДЯ

На заднем плане - брат Вова

Володя (или Вовка, как его называли все, и родители, и мы с Гришей) был полной противоположностью старшему брату. Реакция у него была заторможенная, память неважная, учился он из рук вон плохо. Очевидно, сказывались последствия белебеевского голода. С Гришей он совершенно не выдерживал никакой конкуренции. Поэтому испытывал по отношению к нему неподдельную зависть.

А Гриша в основном относился к Вовке хоть и довольно снисходительно, но всё же презрительно. Его раздражало то, что Вовка рос ужасно плаксивым и довольно долго, лет, наверное, до 13, мог рыдать по любому поводу. И Гриша часто хулиганил и нарочно подтрунивал над братом, стараясь вызвать у него слёзы. Иногда для этого не нужен был даже никакой особый повод.

Просто Грише было достаточно (тихо, чтобы никто больше не слышал) произнести фразу: «Вовка, ы-ы-ы», и тут же Вовка начинал во весь голос рыдать: «Ы-ы-ы!», и это могло продолжаться часами. На какое-то время он замолкал или, уже занимаясь чем-то другим, просто тихонько привычно подвывал, и тогда Гриша опять произносил свою сакраментальную фразу, и всё начиналось по новой...

Примечательно, что и Гришу, и меня, в семье называли ласкательно-уменьшительными именами – Гришутка, Танюшка - и только Вовку называли просто Вовка...

Такое своеобразное, скептическое отношение к среднему брату передалось потом и мне.

Нужно сказать, что и Вовка относился ко мне тоже, мягко говоря, без особой теплоты, часто отыгрываясь именно на мне за все нанесенные ему обиды.

Хорошо помню один эпизод: мне было тогда лет пять, и Вовка чем-то очень сильно меня обидел, даже поднял на меня руку. Короче, он меня довёл! И вот, когда, спустя некоторое время, когда все были дома, а Вовка мирно сидел на крыльце, я подошла к нему сзади и с силой ударила его литым алюминиевым половником по голове. Это был настоящий шок! Да и больно же, наверное, ему было! Можно только представить весь ужас, который за этим последовал, как громко, и главное, как *долго*, он

потом орал... Самое интересное, что мне за это ничего не было. Видимо, родители поняли, *кто* был виноват на самом деле.

Но самые непростые отношения у него сложились с папой. Когда тот вернулся с войны. Вовка совсем его не воспринимал, для него это был совершенно чужой дядька, да еще к тому же претендовавший на мамино внимание... И Вовка папу жутко возненавидел. Ребёнок есть ребёнок. А папе вовсе не хотелось разбираться в детской психологии, и он реагировал примитивно: просто порол Вовку за каждый проступок (и это при том, что нас с Гришей он ни разу даже пальцем не тронул), и Вовка к нему не питал ничего кроме обиды и злобы. Конечно, мама пыталась сделать всё от неё зависящее, чтобы как-то исправить ситуацию, и в дальнейшем между отцом и сыном, казалось бы, установились ровные, вполне родственные отношения, но так только казалось...

Школьные учителя с Вовкой здорово намучились, и с точки зрения дисциплины, и, конечно, учёбы. Родителей постоянно приглашали в школу на продолжительные беседы. Нетрудно догадаться, что это всегда заканчивалось очередной поркой. Поэтому, когда он закончил 8 классов, его с радостью отправили работать на завод (Уфимский кабельный). И произошло чудо!

На заводе Вовка сразу стал активным участником художественной самодеятельности. Играл в заводском эстрадном ансамбле на гитаре и контрабасе. В общем, понемногу становился «нормальным человеком».

Вовка очень много читал, однако не проникал глубоко в суть прочитанного, и серьезные книги его мало интересовали. Его главным образом интересовала лихая фабула, поэтому в основном он увлекался приключенческой, шпионской литературой. Пытался даже сам что-то сочинять в этом духе. Помню у него тетрадку, на обложке которой крупными печатными буквами было выведено название так и не состоявшегося романа – «Гульмерид». А начинался он так: «В городе один за другим стали находить трупы людей без капли крови...»

Кстати, он часто приносил домой подобные сенсационные новости: то кому-то на рынке разрезали рот до ушей, то где-то подрались лилипуты и страшно покалечили друг друга, но никакого уголовного дела при этом заведено не было, потому что в милиции решили, что это маленькие дети. Судя по тому, что эти «новости» мы слышали только от Вовки, наверняка, он сам же их и сочинял, поскольку фантазия у него работала неплохо...

Однажды, вернувшись «из города» он сообщил, что в нашем оперном театре скоро пойдет опера «Червячки», и что он лично прочел это на афише. Маме стало любопытно, и на следующий

день, проходя мимо театра, она прочла: опера «Черевички» по Гоголю...

В армии Вовке служить не пришлось, так как в самом раннем детстве он перенес тяжелейшее воспаление среднего уха. Ему тогда выдолбили всю ушную кость, и он наполовину оглох. Что, впрочем, ему совершенно не мешало прекрасно слышать всё другим ухом...

Когда домой после службы вернулся Гриша, то, увидев брата сильно повзрослевшим, он полностью изменил свое к нему отношение. У братьев появились общие интересы, увлечения. Они вместе проводили свободное время, ходили на танцы, ухаживали за девушками. Их отличало друг от друга только то, что Вовка постоянно «влипал» при этом в какие-то непонятные ситуации. Так, как-то раз, после очередного выхода братьев «в свет», Вовка пришел домой с лицом, разбитым в кровь. «Где это тебя так?» испуганно спросила мама. «В вашем преподобном УфНИИ!» раздражённо и с обидой ответил Вовка. Уже позже, когда мама убедилась, что с лицом у брата всё в порядке, она часто со смехом вспоминала Вовкин ответ, ведь никто в нашей семье не имел абсолютно никакого отношения к этому НИИ нефтяников...

Иногда в нём по отношению ко мне просыпались братские чувства, и тогда он либо водил меня в кино, главным образом на фильмы про войну, либо катал меня на велосипеде, который одалживал у своего друга Лёньки. Эти поездки однажды резко прекратились после того как наш велосипед занесло, мы перевернулись, и я сильно ударилась головой об асфальт. Удар был такой силы, что половину моих волос срезало, как ножом. Хорошо, что родители об этом происшествии ничего не узнали, иначе Вовке опять бы досталось...

Вспоминаются и другие эпизоды из жизни брата, но они уже относятся к более позднему периоду, о чем я напишу во второй части.

НАША РОДНЯ

Как я уже писала, в нашем доме кроме собственно нашей семьи жили папины сёстры, мои тётки – Маруся и Зина.

Тетя Маруся

Тетя Маруся, насколько я помню, всегда была со странностями и с полным правом могла бы служить наглядным пособием к гоголевским «Мертвым душам», полностью воспроизводя внешний облик Плюшкина.

То, что это женщина, можно было понять не сразу. На протяжении всего времени, что мне запомнилось, она ходила в каком-то замызганном и латанном-перелатанном, доходившем до пят, то ли плаще, то ли халате. Голова у нее была обвязана какой-то сомнительного вида тряпицей. Понятно, что в таком виде она не могла выйти на люди, поэтому зимой всё время проводила дома, а весной, летом и осенью - на грядках своей части сада, располагавшегося рядом с домом.

Когда-то, судя по некоторым ранним фотографиям, это была вполне нормальная женщина, даже симпатичная, и на её лице на фото можно было даже увидеть улыбку. Но с годами с ней что-то

произошло, и к тому времени, как я её помню, это был уже совсем другой человек. Она перестала следить за собой, а со своим братом, моим отцом, и, следовательно, со всеми членами нашей семьи она уже не поддерживала никаких отношений. Я помню, как, проходя к себе наверх и сталкиваясь с кем-то из нас, она демонстративно отворачивалась и никогда не здоровалась. Перестали здороваться с ней и мы, дети. Что послужило первоначальной причиной этого конфликта, уже никто не помнил, но он никогда не затухал, и часто вспыхивал с новой силой.

В частности, тетя Маруся была уверена, что против нее с нашей стороны постоянно замышляется что-то страшное.

Я уже в самом начале упоминала одно из её любимых занятий в конце лета – сушку яблок. Делала она это нанизывая нарезанные дольки яблок на длинные нити и развешивая их по всей террасе в виде гирлянд. Очевидно, часть этих нитей, после того как высохшие яблоки с них были сняты, каким-то образом выбивались наружу и цеплялись за ветви растущих рядом яблонь. И однажды тетя Маруся, как фурия, ворвалась к нам и начала кричать диким голосом, что это мы специально привязали нитки к веткам, чтобы потом, дёргая за них, стрясти все её яблоки. Это могло бы показаться смешным, тем более что рядом, в нашей части сада каждое лето созревали в огромном количестве точно такие же яблоки, но тетя Маруся была просто страшна в своем гневе, и тут уж было не до смеха...

В другой раз, когда в нашем доме уже появился баллонный газ, и было решено переложить наши огромные русские печи, уменьшив их в размере и создав таким образом дополнительное пространство, мы опять увидели тетю Марусю что называется «во всей красе». Никогда не забуду совершенно дикую сцену, когда тетя Маруся сквозь отверстие, образовавшееся в потолке, пыталась просунуть огромную доску, чтобы ударить ею папу по голове. И всё это, разумеется, сопровождалось страшной руганью... И опять было непонятно, что могло привести тетю

Марусю в это состояние. Возможно, ее не устроили какие-то сантиметры...

Я думаю, что роковую роль во взаимоотношениях моего отца и тети Маруси сыграло то, что всю свою молодость она отдала делу воспитания своих младших братьев и сестер, напроочь лишив себя своей собственной личной жизни и фактически не получив от них впоследствии никаких слов благодарности. Поэтому позже, когда в живых из всех братьев остался только мой папа, вся обида и злоба тёти Маруси, копившаяся годами, вылилась именно на него.

Лишь единственному человеку, её сестре тете Зине, удавалось с ней ладить.

Тётя Зина

Тётя Зина была самым младшим ребенком в семье деда, и, видимо, поэтому ей досталось больше заботы, чем всем остальным детям. Кроме того, в самом раннем детстве она перенесла страшную травму – потеряла один глаз. О том, как именно это произошло, говорить было не принято. Возможно, за

этим скрывалась какая-то семейная тайна... Всё это не могло не вызывать сочувствия в её адрес, в том числе и со стороны тети Маруси, которая в детстве практически заменила тете Зине мать. Думаю, что тетя Маруся была по-настоящему привязана к младшей сестре, любила её. И тетя Зина отвечала ей тем же. И я, например, ни разу не слышала, чтобы мои тетки разговаривали между собой на повышенных тонах, несмотря на то, что слышимость между квартирами была отменная.

Тетя Зина несколько не походила на свою сестру. Она, проучившись какое-то время на курсах финансистов в Москве, привезла оттуда столичный лоск: красиво, элегантно, модно одевалась, щеголяла манерами. Короче, производила полное впечатление «столичной штучки».

Замуж она так и не вышла. Очень комплексовала из-за своего физического недостатка, хотя достаточно рано ей подобрали очень удачный протез, и её дефект был совершенно не заметен.

Недостатка в поклонниках у неё не было, так как она обладала достаточно привлекательной внешностью. Единственным обстоятельством, которое её сильно портило, было то, что она постоянно жаловалась. Моя мама даже дала ей прозвище – «хныкалка-сопелочка».

Так, у тети Зины даже сложился особый ритуал: каждый раз, возвращаясь с работы (а работала она финансистом в местном филиале Академии наук), она, прежде чем подняться к себе наверх, обязательно заходила к маме, и начинала свои долгие излияния. Все её, как выяснялось, обижали, плели против неё разные интриги. И особенно «татары». Это слово она всегда произносила понижая голос, полушёпотом.

И моя мама всё это терпеливо выслушивала, несмотря на то, что речь шла о совершенно не знакомых ей людях.

Тетя Зина в силу сложившихся обстоятельств всегда очень трепетно относилась к своему здоровью, берегла себя. Физическим трудом она не занималась, разве что только содержала в идеальном порядке свою комнату. А о работе в саду

вообще не могло быть и речи. Не помню я также, чтобы она хоть раз взяла в руки коромысло с вёдрами и сходила за водой на колонку, как это делали тогда все, кто жил на нашей улице. Вместо этого она поступала просто: давала рублевку моему брату Вове, и тот охотно делал несколько ходок за водой, получая таким образом деньги на карманные расходы. Моей маме это не нравилось, и тетя Зина, как правило, старалась провернуть эту операцию, когда мамы не было дома.

Меня тетя Зина в ту пору полностью игнорировала, так как я была слишком мала, чтобы представлять для неё какой-либо интерес. Поэтому я не могу припомнить никаких любопытных подробностей моего общения с ней в то время.

Бабка Марья Николавна

Бабку - папину, Марусину и Зинину мачеху - я начала помнить с того времени, когда ей было уже за 70. Это была еще вполне

бодрая женщина, которая, однако, уже не занималась никаким хозяйством и вела абсолютно праздную жизнь.

Выглядела она как классическая деревенская бабка: в платке, повязанном под подбородок; в длинных юбках, надетых одна на другую; в ситцевой кофте в мелкий цветочек. Зимой «на выход» она надевала плюшевый полушубок и шаль из козьего пуха, а в остальное время носила шаль попроще и телогрейку.

Красотой она совершенно не отличалась. Черты лица у нее были самые простецкие. Пользы от неё как от старшей женщины в доме, судя по рассказам моих родителей, тоже не было никакой, поскольку она была с ленцой. Что, однако, мало смущало деда, и он её даже баловал. Видимо, были у неё какие-то другие достоинства...

Все дни на моей памяти у неё проходили по одному и тому же сценарию. Утром, встав и попив чаю (а чай, надо сказать, она заваривала отменный, и чайный аромат разносился по всему дому), она затем совершала каждодневный обход всех соседей, живущих поблизости. И мой папа тогда говорил: «Ходит по соседям, как корова без привязи. Где калитка открыта, туда и зайдёт...» Там, в гостях, она и обедала, и ужинала... На все визиты у бабки иногда уходил целый день, и вечером она возвращалась домой, как принято говорить, «усталая, но довольная».

Эти бабкины обходы в конце концов стали так раздражать наших соседей, что они, завидев её идущей в направлении их дома, быстро запирали входную дверь и делали вид, что в доме никого нет. Хотя тогда это было совершенно не принято, поскольку двери никто никогда не запирал.

И бабке пришлось изменить маршруты своих походов. Помню, когда мне было года четыре, не больше, и родители, уходя на работу, ещё боялись оставлять меня дома одну, они «сдавали» меня бабке для присмотра. И тогда бабка, выждав какое-то время, быстро собиралась, хватала меня за руку и тащила через весь город, пешком, куда-то аж в Нижегородку (общественного

транспорта тогда в Уфе практически никакого не было, только трамвай, который ходил совсем в другую сторону).

Понятно, что я, четырехлетний ребёнок, жутко при этом уставала, поэтому, когда мы добирались до нужного места, и бабушка усаживала меня в сенцах на какой-нибудь сундук (вовнутрь она меня не заводила), то я совершенно не возражала и спокойно сидела там, постепенно приходя в себя. Спустя довольно приличное время, бабушка выходила, снова хватала меня за руку, и мы шли уже домой, чтобы успеть вернуться к приходу родителей с работы.

Не знаю, известно ли было что-то моим родителям об этих походах. Вряд ли, потому что это был бабушкин секрет. Иначе они бы устроили ей грандиозный скандал.

Были у нее и другие «заморочки». Так, будучи до самой старости равнодушной к мужскому полу, она часто устраивала целые спектакли: выходила на улицу, садилась на завалинку и, увидев идущих мимо мужчин (как правило, это были молодые парни, старики её не интересовали), начинала медленно сползать на землю и при этом громко стонать. Разумеется, парни тут же кидались к ней на помощь, поднимали её, обеспокоенно спрашивая: «Бабушка, что с вами? Не вызвать ли скорую помощь?» Само собой, никакая скорая помощь ей была не нужна, и она просила их отвести её домой. И часто мы с мамой наблюдали, как молодые парни ведут её под руки мимо наших окон, а она идет, гордо выпятив живот, и по её лицу разлито неизъяснимое блаженство...

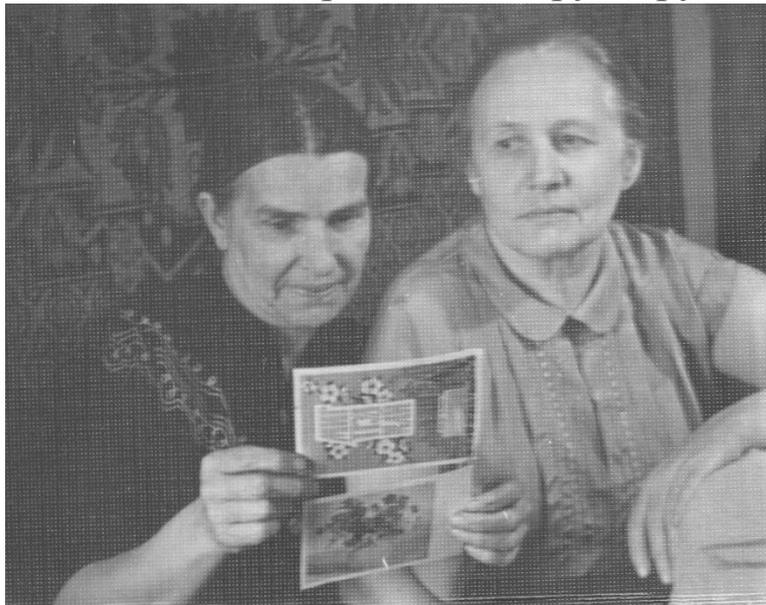
Проходило, какое-то время, час, два, и бабушка снова, как ни в чем ни бывало, выходила на свою «охоту» и вновь занимала выжидательную позицию. И тот же спектакль, но уже с другими участниками. разыгрывался снова. Иногда этот спектакль проигрывался по несколько раз на дню.

Не знаю, сколько бы она ещё прожила, если бы не нарушила режим после операции по удалению катаракты, когда врачи строго-настрого запретили ей, по возвращении из больницы,

вставать с постели хотя бы в течение недели. Но у нее ничего не болело, лежать ей было скучно, и уже на следующий день она отправилась «по гостям». И ее выход закончился инсультом, от которого она скончалась в свои 84 года.

СЕМЬЯ ЛЕСКОВЫХ

Еще когда бабкин возраст только-только приближался к 80 годам, встал вопрос о том, кто будет за ней ухаживать, когда она совсем одряхлеет. Ни у кого из наших такого желания не возникло, и тут, как нельзя кстати, всплыла кандидатура тети Тони, вдовы папиного двоюродного брата Фёдора Лескова. У тети Тони тоже была довольно большая семья, четверо детей: самая старшая дочь - Нина, затем сын Геннадий, за ним – сын Анатолий, и, наконец, самая младшая дочь, Надя. Своего постоянного угла у них не было, им приходилось мотаться по съёмным квартирам, поэтому тетя Тоня с большой радостью ухватилась за предложенную ей идею, ведь речь шла о том, что бабкина квартира по завещанию, в конце концов, достанется ей. Большую роль сыграло и то обстоятельство, что к тому времени бабке, после той крошечной каморки, в которой она до этого жила одна, была выделена та самая квартира со входом с улицы, которая до этого постоянно переходила из рук в руки.

Тётя Тоня (слева) и мама

Нужно сказать, что у тёти Тони оказалось много общего с бабушкой Марьей Николавной. Она нигде не работала и приторговывала какими-то вещами, чем немного зарабатывала «на хлеб». Правда, к тому времени её старшая дочь Нина уже была замужем за каким-то высокопоставленным чином, и тетя Тоня получала с этой стороны неплохую материальную поддержку.

Как и бабушка, тетя Тоня любила ходить по соседям и собирать все сплетни, которые потом пересказывала моей маме, чем ужасно её раздражала. Я вспоминаю, как каждый раз, пересказав все местные «новости» во всех деталях, и когда говорить ей было уже абсолютно не о чем, тетя Тоня всё равно еще долго сидела у нас на кухне и повторяла время от времени одно и то же: «Так, так, так... Вот, вот, вот...» Это звучало чрезвычайно «содержательно».

Вскоре сын Анатолий, устроившись на работу и женившись, полностью «отпочковался» от семьи, и, в конечном итоге, семья тети Тони свелась всего к трем членам: сама тетя Тоня, младшая дочь Надя и бабушка.

Что касается Геннадия, то он поначалу жил где-то на стороне, кочуя по своим многочисленным сожительницам, но потом, изрядно всем им надоев, решил вернуться к матери.

Об этом человеке стоит написать чуть подробнее, учитывая ту роковую роль, которую он сыграл впоследствии в судьбе моего папы.

Геннадий Лесков

Перспектива возвращения Геннадия тетю Тоню совершенно не радовала. Работать он не любил, сменил огромное количество мест работы, откуда его, как правило, увольняли за нерадивость. Иногда он не мог найти себе работу «по душе» месяцами, то есть тете Тоне пришлось бы полностью его содержать. Понимая всё это, она решила не рисковать и не пускать его в свою новую квартиру. И тогда он нашел своеобразный выход из положения. В нашем сарае был небольшой закуток, в котором одно время держали свинью, а теперь он пустовал. И Геннадий, утеплив его и смастерив внутри некое подобие топчана, приобрел себе таким образом «жилье».

Этот человек производил довольно своеобразное впечатление: ему было уже под сорок, а он всё разгуливал по танцам, после чего приводил в свой закуток женщин определенного вида... Смысл каждого прожитого дня для него сводился исключительно к тому, будут ли где-нибудь сегодня танцы или нет. Казалось, его в этой жизни больше ничего не интересовало. Как-то в разговоре с моим папой, когда папа в связи с чем-то задал ему вопрос, читал ли он Чехова, он ответил: «А чего его читать? Он же чахоткой болел!»

Часто, выпив, Геннадий впадал в игривое состояние, и тогда его взор блуждал в поисках подходящего объекта. Я помню, как он, вдруг увидев сидящую на нашем крыльце тетю Зину, начал уговаривать её: «Зина, дойди хоть до сарая, а то так, на крыльце, вся жизнь пройдет!»

Самое же печальное во всём этом было то, что папа обрёл в лице Геннадия постоянного собутыльника. Причём тот всегда приносил папе что-нибудь либо им самим не допитое, либо явно палёное. Так случилось и в тот роковой день 92 года, когда они оба, выпив нечто крайне сомнительного вида, сильно отравились. Но если бывшему тогда еще достаточно молодым Геннадию всё же удалось, что называется, «вырулить», то папино сердце не выдержало...

МЫ И НАШИ СОСЕДИ

Наша улица Салавата представляла собой как бы небольшую «слободку», населенную в основном татарскими семьями, а наша семья была одной из немногих русских семей, проживавших там же. Жили в целом довольно мирно, но иной раз возникала и напряжённость, связанная в первую очередь с социальными различиями. Моя мама была преподавателем вуза, и этим сразу как бы проводилась четкая грань между мамой и многими обитателями нашей улицы.

Возможно также, что в отношениях с соседями сыграли определенную роль и черты маминого характера: она была ярко выраженным интровертом, и для нее казалось совершенно неприемлемым многочасовое просиживание с соседками на завалинке и разговоры ни о чем.

В свободное время я привыкла видеть маму с книгой. Она очень много читала и была записана во все близлежащие библиотеки. (Именно маме я обязана своей любовью к чтению). Всё это, конечно же, не могло не вызывать раздражения у окружающих, многие из которых, скорее всего, за всю свою жизнь не прочли ни одной книги: «Больно гордая! Ну, конечно, она же с высшим образованием!» с неприязнью говорили они о моей маме, а позже это же отношение перенесли и на меня.

Наверное, я погрешу против истины, если скажу, что в наших отношениях с соседями отсутствовал национальный фактор. Слишком часто мне приходилось слышать от соседей и в адрес мамы, и в свой адрес: «У-у, моржЯ!» (искаженное «Мария», так

презрительно называли русских женщин). Понятно, что это никак не могло служить показателем дружелюбия. К счастью, ни мама, ни я на этом особо не заикливались и воспринимали это просто как данность. К тому же срабатывала некоторая наша отрешённость от повседневных, в том числе и от национальных проблем. И маме, а вслед за ней и мне, было гораздо интереснее существовать в мире фантазий, который формировался в нашем сознании под влиянием прочитанных книг...

Вполне понятно, что в сложившихся обстоятельствах маме было довольно сложно поддерживать достаточно близкие отношения с кем-либо на нашей улице. Другое дело – папа со своими уличными приятелями, поскольку там всё в основном решалось через совместное застолье.

Единственно, кто мог в основном беспрепятственно, несмотря на все различия, общаться друг с другом на нашей улице, были мы, дети. И моя мама совсем не возражала, когда ко мне домой забегал кто-нибудь из соседских девчонок. Наоборот, старалась чем-нибудь угостить, хотя и угощать-то тогда было особо нечем.

Помню, как однажды к нам забежала девочка, жившая в соседнем дворе и носившая довольно странное имя Афеля (видимо, искаженное «Офелия»). Забегав, она сразу угодила в подпол, который моя мама оставила на время открытым, чтобы он хотя бы немного просох. И сама Афеля, и тем более мама тогда ужасно испугались. К счастью, Афеля совершенно никак не пострадала, но мама всё же, желая хоть как-то загладить свою вину, отрезала ломоть свежей «французской» булки и, обильно посыпав его сахарным песком, протянула уже полностью оправившейся от страха Афеле. В ответ на что Афеля, с недоумением взглянув сначала на ломоть, потом на маму, спросила капризно: «А май?!» («масло» по-татарски). Этот вопрос потом стал в нашей семье расхожей фразой, которую мы часто произносили в тех случаях, когда не получали что-либо законно ожидаемое...

О СЕБЕ

Поскольку помнить себя я начала с весьма юного возраста (где-то лет с трёх-четырёх), в моей памяти сохранилось довольно много воспоминаний о моём раннем детстве...

Моё раннее детство

Хорошо помню наши совместные семейные трапезы (как правило, это был ужин), сопровождавшиеся долгими разговорами, в которых хотелось поучаствовать и мне, пигалице, и я с умным видом (совсем как взрослая, как мне тогда казалось), произносила какую-нибудь очередную детскую глупость.

Часто в эти часы к нам забегали друзья моих братьев. И не только чтобы поесть, но также чтобы послушать наши разговоры. Самое же интересное происходило, когда папа брал в руки балалайку, а братья – гитары, и начинался импровизированный концерт.

Засиживались нередко допоздна, и я помню, как меня, уже совершенно сонную, родители брали на руки и относили в постель...

Игрушками меня в детстве как-то особо не баловали. В основном это были, как сейчас бы сказали, «развивающие игры»: поначалу кубики, а позже – всякие конструкторы, детские лото. Во всяком случае, кукол у меня не было. И всё же однажды родители решили купить мне куклу, девочка всё-таки.

Кукла была, как я помню, просто замечательная, с роскошной шевелюрой, в красивом платье, и я поспешила выйти с ней на улицу, чтобы похвастаться перед девчонками. К сожалению, на нашей улице я никого из девчонок не застала, и я пошла дальше, дойдя в конце концов аж до улицы Тукаева, где мне навстречу, из какого-то двора, вдруг выбежала девочка заметно старше меня, и, вырвав у меня из рук мою красавицу-куклу, тут же исчезла, вновь забежав в один из дворов. Это был настоящий удар! Этим мой кукольный опыт и закончился

Помню я и ещё одну игрушку, которую мне привез вернувшийся из Монголии папин брат, дядя Лёня. Это была лодочка с сидящим в ней заводным гребцом. К сожалению, эта игрушка мне очень быстро наскучила, так как она совершенно не будила воображение. Ну подумаешь, гребёт и гребёт, что в этом такого?

Мне гораздо больше нравилось слушать маму, когда она читала мне что-нибудь перед сном, а мне при этом рисовались разные картины... Очень нравилось слушать радиопостановки, в которых принимали участие наши выдающиеся актеры того времени (М. Бабанова, А. Консовский и другие), и я мечтала: вот был бы на радиоприёмнике такой экранчик, чтобы можно было всё это не только слушать, но и видеть... Тогда мне и в голову не могло прийти, что эта моя мечта довольно скоро осуществится.

Не помню, чтобы в то время моя мама играла со мной в какие-либо подвижные игры. Во-первых, она была уже немолода (я была поздним ребёнком), а во-вторых, у нее болели ноги, к тому же её часто терзали сильные головные боли. Поэтому моё

общение с ней носило чисто интеллектуальный характер. Она читала мне детские книги, рассказывала о чем-нибудь интересном, выслушивала мои рассказы о происшедшем за день, учила меня читать, писать и рисовать.

И с моими братьями в этой связи у меня всё складывалось не вполне удачно. Сказывалась существенная разница в возрасте. Им хотелось общаться со своими ровесниками, заниматься своими делами, а тут – надо было сидеть с младшей сестренкой, да ещё и развлекать её. Думаю, что я сильно раздражала их этим, и они часто срывали на мне своё раздражение. Поэтому нередко моё общение с братьями заканчивалось моими слезами!

Единственно, кто играл со мной по-настоящему, это был папа. Когда он приходил с работы не слишком уставший, в хорошем настроении, то начинал играть со мной в прятки, делая вид, что никак не может меня найти. Нужно ли говорить, что меня это приводило в полнейший восторг!

Довелось мне походить и в детский сад, который располагался тогда на углу ул. Цюрупы и ул. Октябрьской революции, и о котором у меня сохранились малоприятные воспоминания. Единственное, что помнится из хорошего, это новогодняя ёлка-красавица, высокая, пышная и с таким сильным хвойным запахом, что он потом еще долго стоял в помещении. Помнится также, как зимой нас, в спальнях мешках из медвежьих шкур, укладывали на открытой веранде подышать свежим воздухом...

В остальном же ничего интересного для меня в детском саду не было.

Во-первых, я ни с кем там так и не подружилась. И вообще в детстве я была малообщительной, сказывались мамины гены. Во-вторых, нас днем заставляли спать, к чему я совершенно не привыкла. И наконец, нас довольно часто, видимо, по причине отсутствия достаточных средств, кормили каким-то тошнотворным рыбным супом с саго.

Всё это заставляло меня сбегать домой во время наших походов-экскурсий в парк Салавата. Можно только представить, сколько волнений и хлопот я причиняла тогда воспитателям...

В конце концов, всё решил эпизод, послуживший последней каплей.

Когда всех ребят в очередной раз повели на прогулку, то меня предусмотрительно оставили как бы дежурной. Оставшись одна, я с удовольствием занялась наведением порядка в нашем уголке для игрушек: красиво расставила пирамидки, изображающие кремлёвские башни, усадила по сторонам кукол и плюшевых медведей. Было много и других игрушек, которым я нашла подходящее место. Получилось аккуратно и очень красиво. В общем я была абсолютно довольна собой и с нетерпением ждала возвращения с прогулки моих согруппников, чтобы они оценили всю эту красоту...

И вот, когда они, наконец, появились, то с шумом и криком раскидали все игрушки, а потом, видя, как я расстроилась и чуть не плачу, стали потешаться надо мной. Этого я вынести никак не могла и, вернувшись домой сообщила родителям, что я никогда больше в детсад не пойду! И родители не возражали.

С того момента меня стали оставлять днем дома, даже одну...

Детский сад (слева) был рядом с краеведческим музеем (ныне филиалом библиотеки имени Заки Валиди). Здание детского сада было снесено на рубеже 1970-80-х гг.

Вид на детский сад (крайний слева) с востока, с Пожарной каланчи.

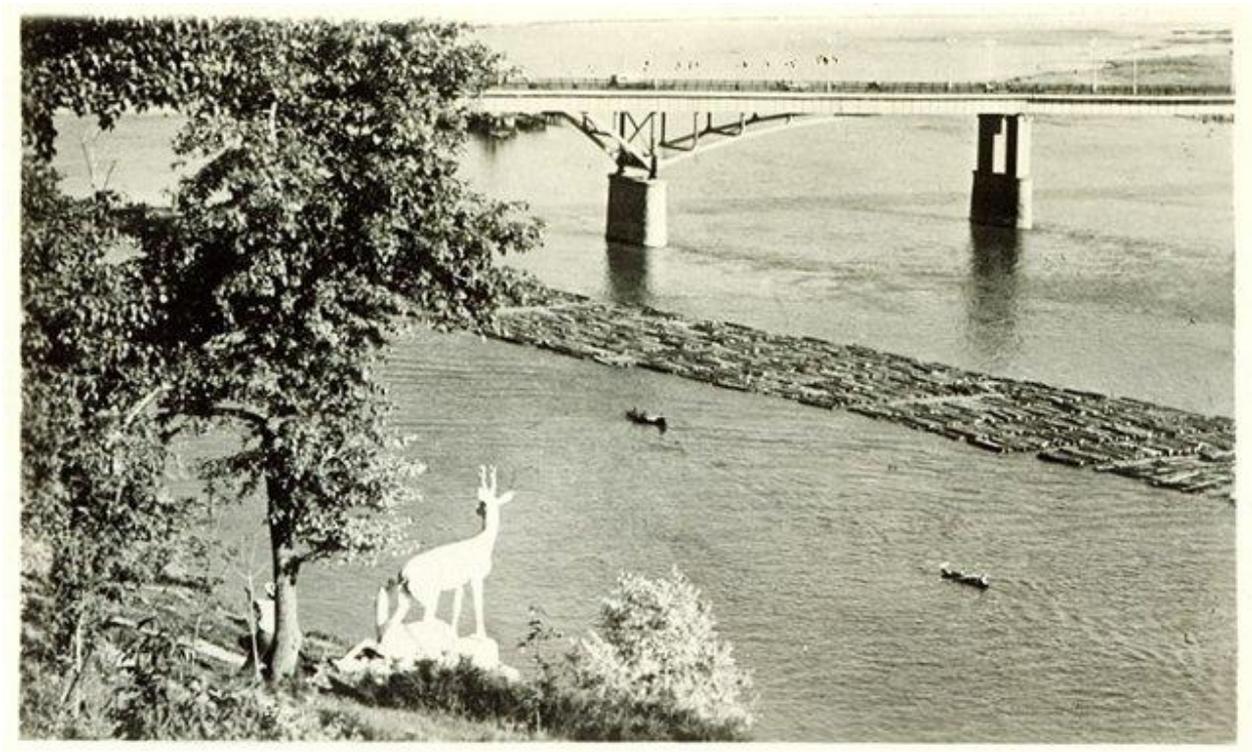
До того, как в нашу жизнь вошло телевидение, я и мои ровесники всё свободное время проводили на улице. Зимой – катались на санках с горок, строили снежные гrotы, пещеры, лепили снеговиков. И однажды, копаясь в снегу в нашем овраге, мы обнаружили страшную находку – трупик новорожденного младенца, завёрнутый в газету. Он весь промёрз насквозь и покрылся таким толстым слоем инея, что скорее напоминал фарфорового пупса, чем когда-то живого ребёнка, и поэтому мы разглядывали его совершенно без всякого страха. Помню, как потом приехала милиция, и началось расследование. Но о том, кто совершил это страшное преступление, и чем вся эта история закончилась, нам, детям, уже ничего не рассказывали...

Настоящее же раздолье наступало летом! И центром нашей вселенной становилась река Белая, где мы проводили почти всё свободное время, как только наступала летняя жара.

В своих воспоминаниях я часто вижу эти тропки, по которым мы, как горох, ссыпались к реке, на ходу раздеваясь, чтобы сразу же окунуться в прохладную воду.

В то время Белая ещё была полноводной и судоходной. И даже лодки-плоскодонки, гроздьями скопившиеся по обоим берегам реки, нисколько не сужали рабочее пространство. Кажется, что Белая тогда была раза в полтора шире, чем сейчас. Во всяком случае, по ней тогда ходили большие пассажирские и грузовые пароходы, перегонялись плоты. В общем река в полной мере выполняла функцию крупной транспортной артерии. Ну а для нас это просто было то место, где можно было от души поплавать и позагорать, а также поудить рыбу. Здесь я научилась хорошо плавать, и со временем, когда уже стала старше, даже могла переплыть Белую туда и обратно без передышки, что считалось особым шиком.

Мы уходили на реку рано утром и возвращались домой уже под вечер, совершенно без сил. До сих пор не могу понять, как нам не запрещалось бегать на реку без сопровождения взрослых. Сейчас это было бы просто немыслимо.

ПАРКИ МОЕГО ДЕТСТВА

Были у нас и другие развлечения, и не последнюю роль в этом играл наш парк Салавата. Мы считали этот парк чуть ли не своей собственностью. По сути, своим «домашним» парком. И уж его-то мы излазили вдоль и поперёк! У нас даже образовались там свои тайные местечки, где мы часто собирались, чтобы спокойно посидеть и поболтать вдали от взрослых... И хотя в то время парк был раза в два меньше, чем сейчас, и в нём еще не было никакого висячего моста, да и никакого продолжения парка на этом месте еще не было, и стояли здесь частные дома, нам парк казался огромным, потому что, благодаря буйно разросшимся по всему парку кустам сирени, он выглядел тогда как своеобразный небольшой лесок.

Вход в парк Салавата. Вид изнутри.

Я вспоминаю знаменитый парковый аттракцион, так называемые «гигантские шаги» - столб, со свободно вращающимся диском на его вершине и с прикрепленными к этому диску четырьмя канатами, заканчивающимися большими петлями, в которые можно было усесться, и, держась за канат, разбежаться и взлетать ввысь. До сих пор помню это непередаваемое ощущение полёта. К сожалению, аттракцион этот потом исчез. Как знать, может быть, однажды один из канатов закрутился вокруг столба, и кто-то, ударившись о столб, получил серьёзную травму...

Был в этом парке и небольшой павильончик, где нам, совершенно бесплатно, каждый день в определенные часы показывали диафильмы.

И конечно, одним из самых ярких впечатлений и для взрослых, и для детей, были летние вечерние киносеансы на открытом воздухе (также совершенно бесплатные), когда нам удалось посмотреть не только многие лучшие произведения отечественной киноклассики («Чапаев», «Тринадцать», «Подкидыш», «Александр Пархоменко», «Котовский» и другие), но и впервые познакомиться с зарубежным кинематографом, в частности, с творчеством Чарли Чаплина. И я помню, как после этих сеансов мы расходились по домам, взахлёб обсуждая увиденное.

А в дневное время в парке на полную мощь работал радиодинамик, и его звук разносился по всей округе. Транслировалась в основном классическая музыка, приобщавшая нас к «высокому».

Много времени мы проводили летом и в нашей аллейке, увлечённо играя там в казаки-разбойники, забираясь при этом на деревья (огромные липы) или прячась в густых зарослях желтой акации, из стручков которой мы потом делали свистульки.

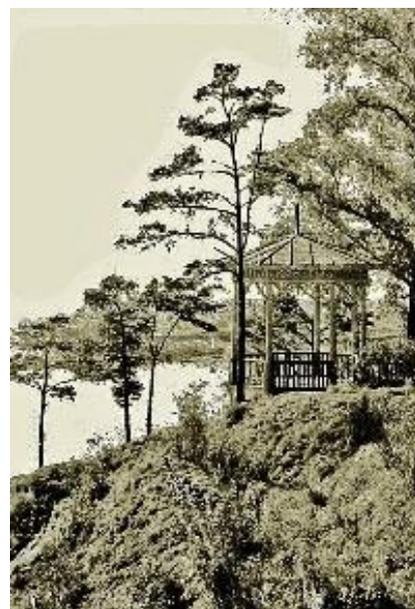
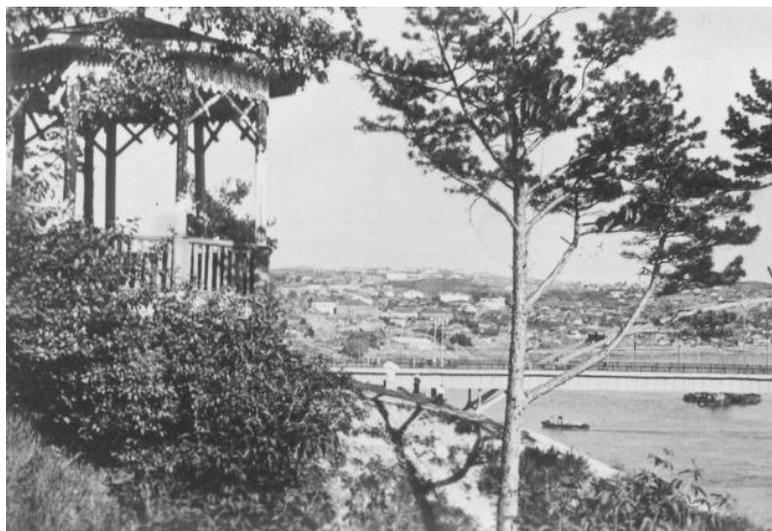
Было у нас и особое развлечение – катание на калитках-вертушках, которые размещались на входе в аллею. Я вспоминаю, как мы, вставая на решётчатые железные створки калиток и крепко держась руками за железные прутья, с силой отталкивались ногой от двух кирпичных тумб, стоявших по бокам. И крутились, как на карусели!

Помню, как я тогда немало времени проводила в парковой избе-читальне, где, надо сказать, было много хороших детских книг. Читать я, благодаря маме, научилась очень рано, и уже в пять лет я свободно читала, и не вслух по слогам, а как положено, бегло и «про себя». Иногда, особенно когда портилась погода, я просиживала в читальне с утра до вечера...

Читальный павильон. Первоначальный вид.

Первоначально читальня размещалась в самом центре парка, на открытой летней веранде-беседке, построенной еще до революции. Это было легкое деревянное резное сооружение, очень украшавшее парк в сочетании с находившимися в разных концах парка двумя другими беседками, поменьше.

Позже эту веранду решили застеклить, чтобы туда не попадал дождь, и для этого её пришлось полностью перестроить. В результате она превратилась в примитивную коробку, которая

портила весь вид. И в конце концов ее пришлось перенести на боковую аллею, где она не бросалась в глаза.

*Памятник Салавату
на фоне перестроенного
читального павильона.
Теперь там нет
ни Салавата, ни читальни.*

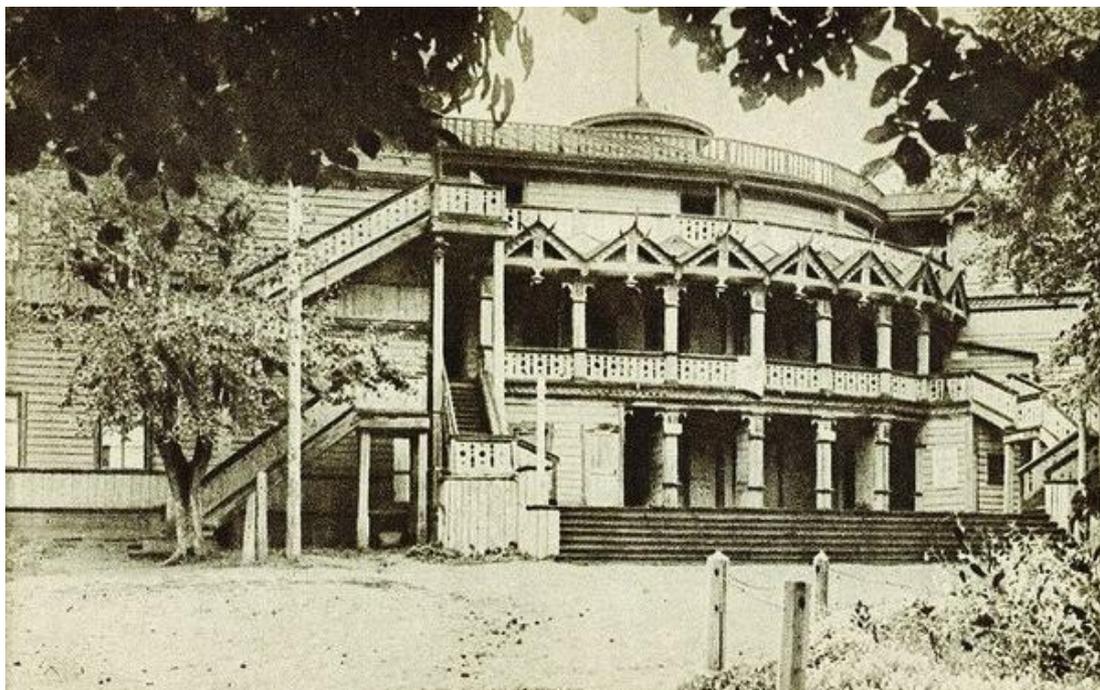

Недалеко от нашей улицы были ещё два парка, в которых мы, дети, бывали довольно часто. Один из них – бывший Видинеевский, а затем им. Луначарского («Лунный» как его называли те, кто ходил туда летними вечерами на танцы). Сейчас это Аксаковский сад.

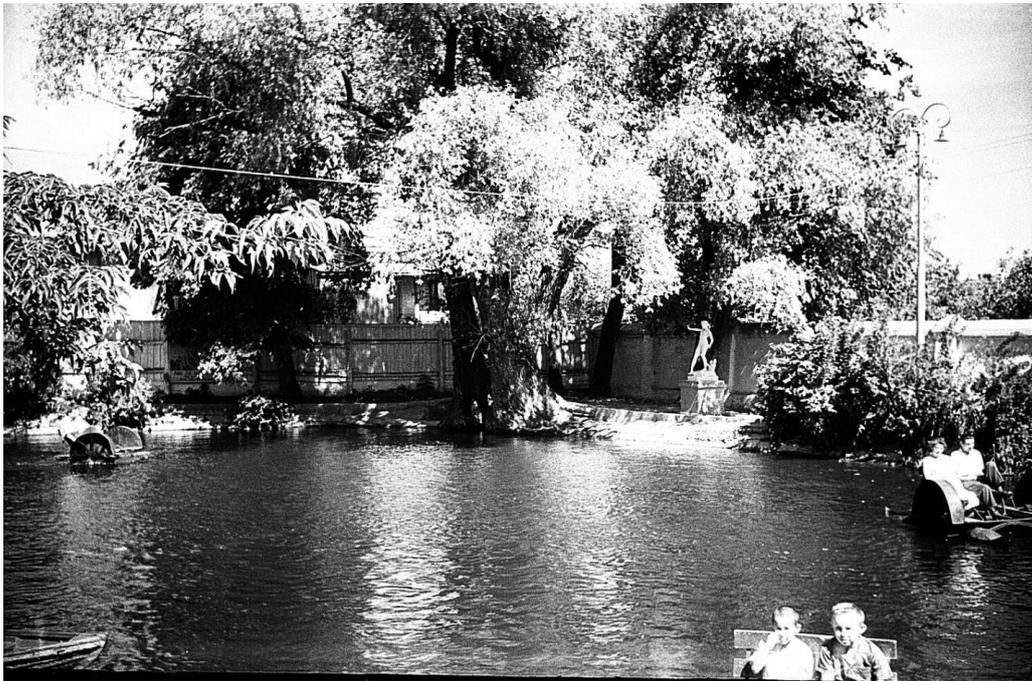
Вход в парк

Конечно же, главной достопримечательностью этого парка было красивейшее старинное деревянное здание летнего театра, построенное еще до революции без единого гвоздя, где одно время, уже на моей памяти, демонстрировались художественные фильмы.

Здание летнего театра

Так, в частности, в начале 60х я здесь посмотрела знаменитую «Великолепную семерку». Ужасно обидно, что это здание театра было полностью уничтожено в 90-е годы, и теперь на его месте «красуется» новый корпус компании «Лукойл». Но, по счастью, сохранилось небольшое озеро, еще одна достопримечательность этого парка, где можно было прокатиться на лодке или водном велосипеде. Это озеро в пору моего детства окружали разросшиеся деревья (огромные ивы), а также популярные в то время парковые скульптуры из белого гипса, что позволяло озеру выглядеть весьма романтично. Ничего из всего этого сейчас не сохранилось, но зато самому озеру ныне придан вполне цивилизованный вид.

Современные виды пруда в парке Аксакова.

Главным же, центральным, парком (ЦПКиО) был, конечно же, парк им А. Матросова (бывший Ушаковский). Вот куда мы стремились попасть во что бы то ни стало! Во-первых, здесь был постоянно действующий летний кинотеатр «Идель», куда мы ходили на утренние детские киносеансы. Во-вторых, здесь была масса разных аттракционов: и качели всех типов, и карусели, и даже парашютная вышка. А зимой здесь работал каток и пункты проката коньков и лыж.

Вход в парк Матросова. Вид снаружи и изнутри.

*Памятник А.Матросову
на центральной аллее.*

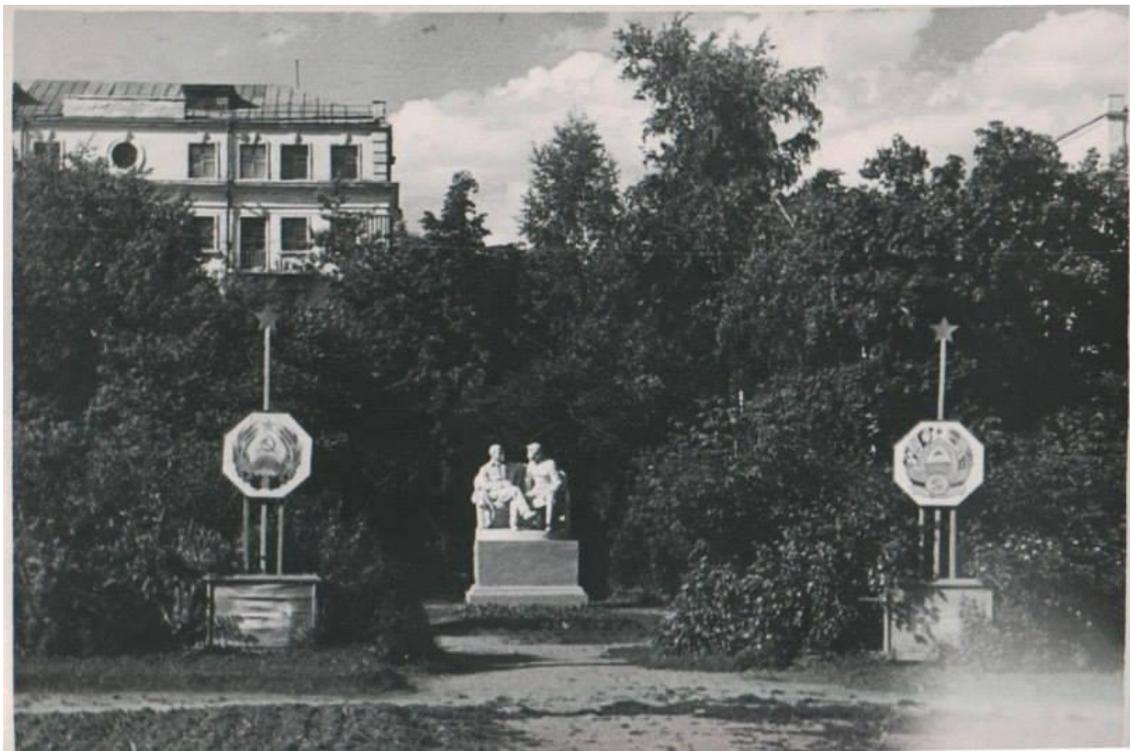
*В 60-е годы беседы
Ленина и Сталина
в парке прекратились.*

В летнее время по воскресным дням здесь играл духовой оркестр, создавая атмосферу настоящего праздника, и вход в парк днём был бесплатным.

Фонтанная скульптура детей укрывающихся от дождя.

Северо-восточный уголок парка с парной скульптурой вождей.

Кинотеатр «Идель»

Но самое интересное, то, что больше всего привлекало в парк детвору, происходило вечером, когда за вход уже нужно было платить. (Нас, кстати, это совсем не смущало, потому что у нас была своя тайная лазейка в железной ограде парка, и мы могли проникать туда в любое время). Нашим «магнитом» был цирк «Шапито», который каждое лето приезжал в Уфу на гастроли, и мы делали всё, чтобы попасть на его представления. С этой целью мы либо заводили знакомство с цирковыми детьми, если их родители на время гастролей поселялись на нашей улице. Либо во время цирковых представлений выпрашивали лишние контрамарки у зрителей, вышедших во время антракта подышать свежим воздухом. Если же все наши попытки заканчивались ничем, то мы прибегали к последнему средству – забирались по деревянной стене сооружения наверх и, приподняв край брезентового купола, какое-то время, через образовавшуюся щель, наблюдали за происходящим на арене цирка. До тех пор, пока нас не отлавливали бдительные контролеры. Это был своего рода спорт, и самым удачным считался день, когда нам удавалось беспрепятственно досмотреть всё представление до конца.

Часто мы бегали и в главный тогда кинотеатр нашего города – «Октябрь», на месте которого позже возвели гостиницу «Агидель», а главным кинотеатром стал кинотеатр «Родина»...

Кинотеатр «Октябрь»

Кинотеатр «Родина»

НАША ДЕТСКАЯ КОМПАНИЯ

Наша детская компания была немногочисленной и состояла исключительно из девочек, так как мальчишки, жившие на нашей улице, не совпадали с нами по возрасту: либо были сильно старше нас, либо сильно моложе.

Отношения внутри нашей компании складывались по-разному и не всегда гладко.

Безусловным центром нашей компании, её лидером, была Нэлька Валеева. Живая, энергичная, обладавшая определённой харизмой, она пользовалась среди нас большим авторитетом, и мы соперничали друг с другом за право называться её самой близкой подругой. В конце концов, это право прочно закрепилось за мной, и я была очень горда этим обстоятельством, выполняя роль своеобразного «серого кардинала» при Нэльке.

Дело в том, что разных идей и задумок в моей голове бродило великое множество, но я вряд ли смогла бы воплотить их в жизнь так легко и просто, как это удавалось сделать ей, поскольку у меня не было её организаторских способностей. К тому же остальные девчонки зачастую относились ко мне с недружелюбной иронией. Возможно, в частности, ещё и потому, что я была единственной русской в нашей компании («моржя»).

А с Нэлькой у нас сложились замечательные партнёрские отношения: я придумывала что-нибудь, а она реализовывала мои идеи. Так, например, мы сами, без помощи взрослых, создали свой уличный детский театр, сами сочиняли сценарии будущих постановок (в основном это были попури из известных сказок), и потом демонстрировали эти постановки в парке Салавата, используя в качестве сцены открытую летнюю эстраду.

Нашими основными зрителями были младшие дети, которым наши спектакли очень нравились.

Выпускали мы и некое подобие «боевых листков», переводя с помощью копирки рисунки из журнала «Крокодил» и сопровождая их новыми подписями, отражающими разные

события в жизни нашей улицы. Эти листки мы потом расклеивали на столбах и заборах, так чтобы все их могли увидеть. Получалось неплохо и очень весело.

Организовали мы на нашей улице и своеобразное подобие летнего лагеря для младших детей, то есть собирали маленьких детишек (когда их родители были на работе, а возможность отправить детей в настоящий детсад была далеко не у всех), усаживали их вокруг себя в кружок и развлекали их разными историями, иногда сочинявшимися на ходу. Или же вели их в парк Салавата, где они могли посмотреть диафильмы для самых маленьких.

Мы тогда совершенно не считали, что занимаемся какой-то благотворительной деятельностью, жертвуя при этом своим личным временем, поскольку сами получали от этого огромное удовольствие. Тем более, что телевизоры тогда были большой редкостью и только-только начали появляться в домах на нашей улице, и пока ничто не отвлекало нас от наших интересных дел...

Нэлька была старше меня всего на год, но мне она казалась значительно взрослее. Дело в том, что еще в дошкольном возрасте на ее плечи легли практически все заботы по хозяйству. Так ей, совсем еще ребёнку, приходилось обстирывать и себя, и свою младшую сестренку Милку, готовить, следить за порядком в доме. Я просто поражалась, как она всё успевала. При этом её мать практически всё время проводила на работе, работая в продуктовом магазине, за счет чего ей удавалось поддерживать довольно высокий жизненный уровень своей семьи, особенно на фоне других семей на нашей улице. Например, у Нэльки часто появлялись красивые обновки. У нее, у единственной из наших девчонок, очень рано появился двухколесный детский велосипед, на котором мы, впрочем, все успели вволю покататься. То есть, она никогда не кичилась своим материальным достатком, напротив, старалась поделиться и с нами тоже, и к тому же была настоящей труженицей.

Всё это так сильно отличало нас с ней друг от друга.

Моя мама с самого раннего детства внушала мне, что моя основная обязанность – это хорошо учиться. Все остальное – вторично и необязательно. И я жила абсолютно беспечной жизнью, не имея практически никаких обязанностей по дому. Именно поэтому я довольно долго почти ничего не умела делать руками. И неизвестно, сколько бы такое положение сохранялось, если бы не фраза, произнесенная позже моей учительницей в большом раздражении на одном из внеклассных занятий по домоводству в присутствии моих одноклассников: «Таня, у тебя руки не тем концом вставлены!» Этого, будучи самолюбивой девочкой, я перенести никак не могла. И в дальнейшем я приложила максимум усилий, чтобы избавиться от своего недостатка.

Итак, Нэлька и я образовывали один полюс внутри нашей группировки. В то время как противоположный полюс был представлен (даже язык не поворачивается назвать это существо *девочкой*, потому что это был настоящий чёрт в юбке) - Айсылу, которую мы звали просто – Аська. Между этими полюсами располагалась небольшая группа, которую можно охарактеризовать как «массовку», поскольку никаких ярких личностей там не было, а саму эту «массовку» можно было склонить на что угодно, и на хорошее, и на плохое.

Аська была большой придумщицей, однако все ее придумки всегда сводились исключительно к каким-то пакостям. То она, зайдя к кому-нибудь из нас, когда родителей не было дома, считала своим неременным долгом плюнуть в кастрюлю с супом или кипяченым молоком (и мы, не один раз заставая ее за этим занятием, впоследствии вынуждены были прятать все кастрюли с едой в какое-нибудь укромное место). То ей приходило в голову нарвать целую охапку крапивы и отхлестать по голым ногам кого-нибудь из ребят, кто, как она считала, ей чем-то досадил. После чего ноги жертвы покрывались огромными волдырями и представляли собой страшное зрелище. То (и это вообще уже не лезло ни в какие ворота) она наклеивала лист бумаги с дерьмом кому-нибудь на оконное стекло и потом,

спрятавшись неподалеку, с интересом наблюдала за реакцией. В общем, развлекалась, как могла...

У нас с ней дело нередко доходило до открытых конфликтов. Так, однажды Аська, настроенная на какое-то время вполне миролюбиво, пригласила меня к себе на день рождения. Я, помня о том, что «лучший подарок – это книга», выбрала книжку с рассказами Мамина-Сибиряка и попросила папу, чтобы он сделал дарственную надпись красивым чертежным шрифтом. Затем аккуратно завернув книгу и взяв её подмышку (как Буратино «Азбуку»), я пошла к Аське в гости, где сначала между нами всё складывалось достаточно мирно, но потом что-то произошло (сейчас уже не вспомню, что именно), и дело дошло до драки. В результате, вновь держа свой подарок подмышкой, я вернулась домой... Эта книжка потом долго стояла на одной из полок нашего книжного шкафа среди других детских книг, напоминая о случившемся на Аськином дне рождения...

Не оставалась в долгу и Аська. Уже когда я собиралась идти в первый класс и готовила необходимое пособие – разрезную азбуку, разложив все листочки на крыльце, в нашем дворе появилась Аська в сопровождении девчонок из «массовки». Увидев, что я занимаюсь очень важным для меня делом, они стали безобразничать, хватая и пряча то одну мою бумажку, то другую, приведя меня в итоге в абсолютное бешенство. И наконец, я, не выдержав этого издевательства, и будучи девочкой крупной и достаточно сильной, схватила Аську и одну из ее «подельниц» за шиворот, и, повторив известную сцену из фильма «Котовский», столкнула их лбами друг с другом. Поднялся ужасный рев, и Аська вместе со своими «ординарцами» выбежала со двора. Соседи, естественно, тут же поспешили во всем обвинить меня...

Вспоминается и еще один случай. Как-то раз прибежав к нам во двор снова с девчонками из «массовки», Аська, заговорщицки подмигнула мне и позвала меня к Нэльке в сарай, обещая показать что-то ужасно интересное. При этом «массовка», стоявшая рядом, дружно и согласно кивала, как бы подтверждая,

что мне это будет очень интересно. И хотя самой Нэльки в тот момент дома не было, и уже одно это, казалось бы, должно было бы меня насторожить, но я, не ожидая никакого подвоха, всё-таки пошла за ними.

В сарае они подвели меня к тому месту, где с потолка свисал длинный электрический провод с огромным патроном на конце, и Аська сказала, что, если я суну обе руки в этот патрон, предварительно сняв обувь, со мной произойдёт настоящее чудо. Надо сказать, что до этого я никогда не имела дела с электричеством, и не могла даже представить, что за этим последует, поэтому, сняв обувь, я сунула обе руки в патрон и тут же, испытав мощный удар током, потеряла сознание... Не знаю, сколько я там пролежала, помню только, что, когда я пришла в себя, рядом со мной уже никого не было. Все девчонки, и в том числе Аська, в страхе разбежались. Они видимо, решили, что меня убило током... И это вполне могло бы произойти, если бы у меня под ногами в тот момент случайно не оказалась какая-то фанерка, сыгравшая роль изоляции.

Помню, как, подобрав свои тапки, я пошла домой сильно напуганная и вся в слезах. Однако мама не стала устраивать никакого скандала по этому поводу и только сказала мне: «Ну, теперь ты поняла? Не будешь водиться с кем попало!»

Но проходило какое-то время, и все наши детские обиды забывались, и мы вновь, как ни в чем ни бывало, общались друг с другом. Тем более, что у Аськи всё-таки были и какие-то положительные качества. Она была абсолютно не жадной. Поэтому, например, когда её мать, работавшая в кафе, приносила домой целый таз срезок со школьных пирожных («крошки», как мы их тогда называли), Аська созывала всю нашу компанию, и мы с таким наслаждением поедали эти «крошки»! Для нас, постоянно голодных, это был настоящий «праздник живота»!

По прочтении моих записей у кого-то может сложиться впечатление, что моя мама была довольно суровой женщиной, то и дело говорившей нам, своим детям, весьма нелицеприятные вещи в глаза. Однако думать так было бы большой ошибкой. Она

была в общем-то очень весёлым человеком, смешливым, и часто смеялась в буквальном смысле - до слёз. Больше всех её смешил Вовка. Она просто заходила от смеха, слушая его «страшные» рассказы, особенно, если при этом он строил разные уморительные рожи.

Мне её рассмешить удавалось гораздо реже, скорее её веселил сам комизм ситуаций, в которые я иногда попадала. Так, однажды, катаясь в соседнем дворе на ледяной горке, я упала и сильно расшибла бровь. Разумеется, я тут же побежала домой, прижав бровь рукой и на ходу чувствуя, как опухает глаз. Когда же, поднявшись на наше крыльцо, я постучалась в дверь, то мама, выглянув в окно и увидев моё опухшее лицо, так и села, но не от страха, а от ...смеха. Помню, я тогда была в шоке, но потом поняла, что лучше такая реакция, чем впасть в панику и, тем самым, ещё больше напугать меня.

ШКОЛА

В школу я пошла достаточно поздно, когда мне было уже семь с половиной лет.

*Одноэтажное здание школы № 38 (в глубине кадра).
На переднем плане школа № 3*

Учиться я начала в начальной школе № 38, располагавшейся тогда на углу улиц Цюрупы и Пушкина, рядом со зданием школы № 3. Это было одноэтажное деревянное здание, в котором было тесно даже нам, первоклашкам. Коридоры там были настолько узкими, что если там останавливались поговорить два учителя, то нам, детям можно было протиснуться между ними лишь с большим трудом. Понятно, что в эти минуты вся наша коридорная жизнь полностью замирала, и мы, стоя в сторонке, терпеливо ждали, когда же наши учителя, наконец, освободят проход. Классные комнаты тоже были очень тесными, и, возможно, именно это послужило одной из причин нашего последующего перевода (целыми классами) в школу № 14.

Учёба меня поначалу совершенно не увлекала, особенно чтение или письмо. Так как всё это я освоила ещё до школы. Читала я бегло, и на фоне своих одноклассников, читавших, примерно, как Филиппок в рассказе Л. Толстого, я выглядела чем-то абсолютно инородным. Поэтому учительнице было неинтересно меня спрашивать, и я скучала на этих уроках.

Что же касается уроков арифметики, то здесь у меня возникли серьёзные проблемы. И если читать и писать я умела хорошо, то с устным счётом у меня откровенно не ладилось. Помню, как однажды, выйдя к доске, я пыталась решить какой-то пример, но никак не могла сообразить, сколько же должно получиться, если сложить одно с другим... Кончилось всё тем, что учительница, которую уже трясло от моей непонятливости, пыталась объяснить мне буквально на пальцах, что нужно делать, и что должно получиться в итоге. Но я уже впала в такой ступор, что совсем перестала что-либо соображать... В результате меня просто отправили на место, а маму вызвали на беседу, после которой она, придя домой, поспешила меня успокоить и сказала, что у нас с ней это наследственное, и что, когда уже в пятом классе после курса арифметики начнутся алгебра и геометрия (в значительной степени отвлеченные дисциплины), у меня всё наладится. Что, в конце концов, и произошло. Но поскольку так долго, целых четыре года, я всё-таки тогда ждать не могла, не позволяло моё самолюбие, то в конце первого класса по арифметике у меня были уже сплошные пятёрки.

Мою маму, как педагога, очень интересовала моя школьная жизнь, в которой, как мне тогда казалось, не было ничего особо примечательного. Поэтому, когда мама просила меня рассказать о чём-нибудь забавном, мне иногда приходилось фантазировать. Мама же слушала меня с большим интересом и всегда заливисто смеялась, а мне было ужасно стыдно, что всё это – мои выдумки...

Правда, были и реальные курьёзные эпизоды, о чём стоит рассказать особо.

Вот один из них. Одно время со мной за одной партой сидел ученик, чье имя я хорошо запомнила – Искандер Еникеев – весьма упитанный мальчик, видимо, из непростой семьи, так как был беспредельно избалован. Учиться он не умел и не хотел, к тому же был безгранично туп, и единственное, в чем он основательно поднаторел, это в списывании. Причем при этом он, как показала практика, даже не понимал, *что* он списывает.

Во время диктантов он сидел, буквально уткнувшись носом в мою тетрадь, и списывал, списывал... И сколько бы я не ругалась с ним, всё это было совершенно бесполезно, он, как списывал всегда, так и продолжал списывать. И тогда я решила его проучить. (Приходится только поражаться тому, как иногда дети могут придумать то, на что способен далеко не каждый взрослый. Сейчас бы я до этого ни за что не додумалась бы).

Во время диктанта я записывала диктуемый текст, пропуская и начала слов, и их окончания, оставляя при этом достаточно места для того, чтобы потом все слова легко дописать. А Искандер, совершенно не понимая смысла текста, оставлял между списанными словами-обрубками самые минимальные пробелы. И поэтому, когда учительница попросила нас в конце урока еще раз перепроверить написанное, и я дописала все слова, а Искандер всё снова старательно у меня списал, то его записи приобрели очень странный вид. Середина всех слов была записана у него буквами нормального, обычного размера, а их начало и конец – микроскопическими буквами, потому что иначе в оставленные им пробелы ничего бы не уместилось. Поэтому все слова у него слились друг с другом, и весь списанный текст выглядел как некое подобие длинной гирлянды. Однако, так ничего и не поняв, Искандер сдал свой диктант учительнице...

И нужно было видеть на следующий день, когда нам были розданы наши работы с выставленными оценками, как наша учительница, потрясая тетрадкой с диктантом перед носом Искандера, повторяла один и тот же вопрос: «Нет, ты мне скажи, что всё это значит? Объясни, зачем ты это сделал!» А Искандер сидел красный, как рак, и только громко сопел... Мне даже стало

его жалко в тот момент. Но списывать у меня он после этого перестал, а потом и вовсе пересел за другую парту...

А на следующий год, весной, когда я училась уже во втором классе, нас перевели в школу-восьмилетку № 14, что меня очень радовало, так как эта школа была в два раза ближе к дому, и к тому же она располагалась в старинном двухэтажном кирпичном здании, принадлежавшем раньше медресе «Усмания», что придавало школе особую ауру. Классы здесь были просторные, коридор широкий, и как-то сразу мы почувствовали, что мы теперь – у себя дома.

Здание же школы № 38 в скором времени было вообще снесено, и на его месте появился еще один корпус школы № 3.

Школа № 14

О 14-й школе у меня сохранились одни из самых лучших школьных воспоминаний.

Возможно, для кого-то из взрослых это была просто провинциальная школа, расположенная на окраине города. Однако эта школа ни в чем не уступала нашим знаменитым центральным школам (№ 3, № 11, № 45 и другим). Во-первых, здесь был сильнейший преподавательский состав, что позволило мне потом, уже когда я заканчивала свое школьное обучение в 45-ой школе, чувствовать себя абсолютно на равных с учениками, проучившимися в этой центральной, школе с 1-го класса.

У двери старого корпуса родной школы (2015)

Во-вторых, здесь, во многом благодаря усилиям директора школы Веры Федоровны Файзуллиной, была создана такая мощная учебная база, какой могла бы позавидовать любая центральная школа!

*Вера Федоровна Файзуллина (во втором ряду слева),
директор школы № 14, среди ветеранов комсомола (1985)*

Во всяком случае, у нас здесь были такие наглядные пособия, каких не было, к примеру, в 45-ой школе. В-третьих, в этой школе были замечательные производственные классы, где нас учили что-нибудь мастерить, а также шить. И еще здесь была прекрасная библиотека!

Ну и, конечно же, главным достоянием нашей школы был огромный фруктовый сад, где росли огромные яблони, приносившие небывалый урожай таких красивых, как на картинке, и таких вкусных яблок! Думаю, что именно за счёт продажи этих яблок школа в значительной степени и формировала свой бюджет.

Во время летних каникул мы все – и ученики, и учителя – должны были отработать в школьном саду, занимаясь в основном поливом. И вот однажды, когда яблоки, созревая, уже начали опадать, я не устояла перед искушением...

Собрав некоторое количество опавших яблок, я отнесла их к забору и, прикрыв листьями, рассчитывала в конце дня забрать домой. К несчастью, мои припасы были сразу же обнаружены кем-то из учителей. Нас тут же построили, и начали допрос с пристрастием, выясняя, кто это сделал. Разумеется, я молчала, как партизан, и только с ужасом ждала, что вот-вот произнесут моё имя. Это был бы такой позор! Но, слава богу, до этого не

дошло, а само происшествие послужило мне уроком на всю жизнь...

Гораздо интереснее протекала наша школьная жизнь в зимние каникулы, когда главным событием для нас становились новогодние утренники. И когда мы готовили себе разные наряды. У меня, например, это неизменно был украинский костюм: юбка с вышитым передником, белая блузка и, конечно же, на голове – венок из бумажных цветов с разноцветными лентами...

Я среди одноклассников (второй ряд справа). Пятый класс.

В дни зимних каникул нас часто приглашали в кинотеатры, где мы выступали с небольшими концертами перед началом детских киносеансов. Однажды на один из таких концертов пришли мои родители. Помню, я тогда выступила с какой-то очень длинной и протяжной песней. После чего мама сказала мне, чтобы я больше никогда не пела: «Ты поёшь, как сирота на паперти. Тебя невозможно слушать без слез!»

Мамина оценка для меня была очень важна, и после этого, если я и пела, то только в хоре.

Крайняя слева – я, крайняя справа – Нэлька Валеева.

Устраивали мы и коллективные походы на Советскую площадь, где стояла огромная ёлка, и где главным развлечением было катание с ледяных горок. Хорошо помню одну такую горку, когда изо рта головы витязя из «Руслана и Людмилы» выкатывались друг за другом группы взрослых и детей. Горка эта была достаточно крутая, и там не было никаких поручней по сторонам, за которые можно было бы уцепиться и удержаться на ногах. Поэтому катающиеся часто падали и доезжали до конца горки уже в полулежачем положении.

Ёлка и ледяная горка на Советской площади (1996).

Вспоминаю, как, в очередной раз скатываясь с этой горки, я вдруг увидела нависший надо мной огромный женский зад в яркозелёных панталонах с начёсом. Женщина не удержалась на ногах и со всего размаха рухнула мне на голову, так, что я сильно ударила лицом об лёд, а из носа у меня сразу пошла кровь. Я так сильно испугалась, что орала как оглашенная, и меня долго не могли успокоить. Конечно же, после этого мне уже ничего не хотелось, и я понуро поплелась домой...

Около ёлки. Крайняя слева – Нэлька Валеева, вторая слева – я.

А в обычные зимние дни, по утрам, мы внимательно слушали сводку погоды, рассчитывая услышать, что, в связи с сильными морозами, школьники с такого-то по такой-то класс освобождаются от занятий. Узнав же, что в школу идти не нужно, мы радостно бежали на улицу, и никакие морозы нам были не страшны...

Часто вслед за морозами наступала оттепель, но идти в школу мне всё равно не хотелось. Я помню, как в один из таких дней, подойдя к входной двери школы, я не смогла её открыть. Видимо, её почему-то заклинило. И я, чуть ли не в припрыжку, понеслась домой, где торжественно сообщила, что школу закрыли, и никаких занятий сегодня не будет...

В целом же учиться мне нравилось, и я ходила на занятия с удовольствием. Училась я хорошо. Настолько, что мои родители со временем вообще перестали следить за моими школьными успехами, будучи уверены, что у меня с учебой всё было, есть и будет всегда отлично. И школу я в итоге закончила с золотой медалью, которую у меня, к сожалению, позже украли квартирные воры...

СОБАКИ, КОШКИ, И ДРУГАЯ ЖИВНОСТЬ

В НАШЕМ ДОМЕ

Сколько я помню, в нашем доме всегда жили какие-нибудь звери, которые появлялись у нас в основном благодаря маме. Животных она очень любила, жалела их и часто приносила домой каких-нибудь покалеченных грачей, голубей, а также птенцов, выпавших из гнезда. Вылечив и выкормив их, она выпускала их на волю.

Зимой она постоянно вывешивала в нашем дворе кормушки для птиц, и тогда к нам слетались целые стайки воробьев и синичек.

Из домашних же животных моего раннего детства в первую очередь вспоминается пёс Мурзик, небольшая беленькая собачка, прожившая у нас довольно долго, непонятно какой породы, видимо, просто дворняжка.

По существу, Мурзик был полноправным членом нашей семьи. Настолько полноправным, что, когда папа уезжал в командировки, то только ему одному позволялось занимать папино место за обеденным столом. При этом он никогда не выклянчивал еду, а сидел с видом, полным достоинства.

Меня Мурзик откровенно не любил, потому что я, будучи совсем маленькой, не понимала, что можно делать с животными, а что нельзя. С ним я обращалась как с живой игрушкой: то пыталась взять его на руки, то потянуть за хвост, чтобы удержать его рядом. В таких случаях он всегда огрызался и даже кусал меня. Постепенно всё-таки, когда я стала чуть постарше, до меня стало доходить, что Мурзик – это личность, и лучше с ним не фамилльярничать.

Ни одна собака, сколько бы у нас их ни было потом, так и не смогла сравниться с Мурзиком по части собачьего интеллекта.

Пожалуй, только Малышка, которая появилась у моих родителей уже много, много позже...

А вот кошек у нас перебивало несметное количество. Это были и коты, и кошки, которые постоянно сменяли друг друга. И у меня была возможность видеть, чем же коты отличаются от кошек.

Все коты, жившие у нас, совершенно не утруждали себя ловлей мышей, и мыши часто совершенно спокойно разгуливали по всей квартире.

Вспоминаю уморительную сценку, когда я, сидя за уроками в комнатке, примыкающей к кухне, вдруг увидела, как к кухонному шкафу подошли две мышки, видимо, мамаша с мышонок. Мышонок присел в ожидании, а взрослая мышь, упершись задней лапкой в одну створку дверцы шкафа, изо всех сил пыталась передней лапкой открыть другую створку. Это так напоминало действия человека в схожей ситуации, что я не могла удержаться от восклицания. Конечно же, мышки тут же исчезли.

Наших котов гораздо больше интересовали птички, слетавшиеся к кормушкам, и коты всегда занимали удобную позицию в надежде поймать хотя бы одну птичку... К счастью, я не помню, чтобы им удавалось это сделать.

В основном же коты были заняты тем, что регулярно обходили свою территорию и метили её. Кроме того, им нужно было постоянно выяснять отношения с соседскими котами, а также заводить амурные отношения с ближними и дальними кошками... Нередко коты пропадали по месяцу и даже дольше, а когда возвращались домой, то на них порой было страшно смотреть: исхудавшие и жутко голодные, уши порваны, морды поцарапаны, всё тело в ссадинах...

Совсем иное дело – кошки. Во-первых, все они были домоседками, были чистенькими, опрятными. Во-вторых, они

добросовестно исполняли свои обязанности по отлову мышей, иногда часами поджидая их возле отверстия в полу, и потом, почуяв запах мыши, запускали переднюю лапу в дыру, засовывая ее аж по плечо и, активно орудуя ею, вытаскивали-таки мышью из-под пола. Пойманных мышью они часто рядом выкладывали на крыльце, как бы говоря нам: «Вот вам гостинец!» И тогда мы обязательно хвалили их.

Самое же интересное время наступало, когда у кошек появлялись котята. Сначала это были просто слепые комочки, но они быстро подрастали, и через какое-то время я уже могла играть с ними, получая от этого огромное удовольствие.

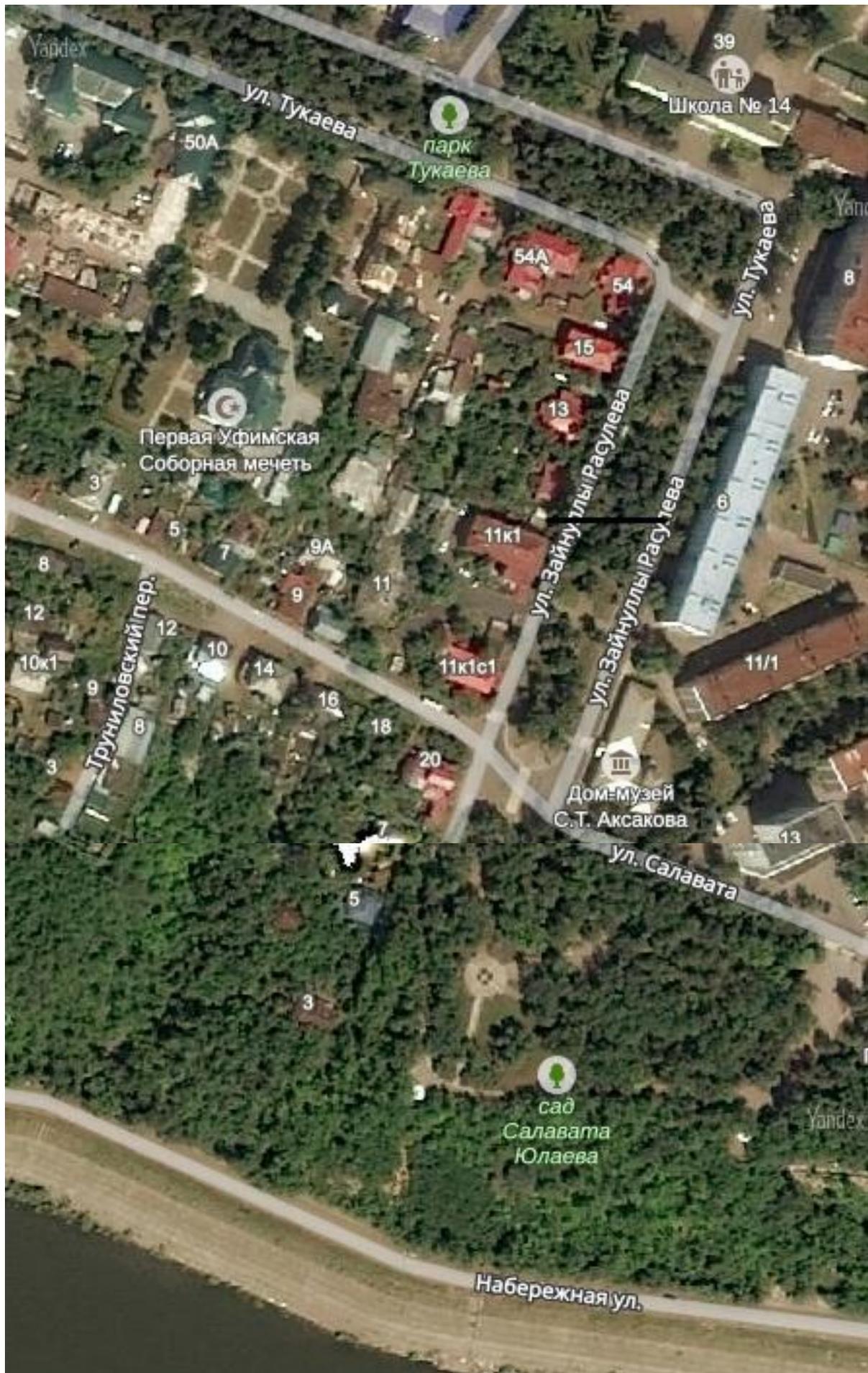
К счастью, проблемы раздачи котят у нас не возникало. Мыши водились в каждом доме на нашей улице, и многие соседи охотно брали котят, чтобы те, хотя бы в какой-то мере, помогли бы им избавиться от мышью.

Описывая котов и кошек, следует отметить и их порой весьма необычные гастрономические пристрастия. Так, в какой-то момент я с удивлением обнаружила, что кое-кто из них очень любит свежие огурцы. Однажды один из котов даже вытащил длинный огурец из нашего холодильника (когда мы забыли его плотно закрыть), уволок его под диван и съел его там весь с большим аппетитом...

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Наша память – сложная штука, и она иногда выхватывает из цепи событий, возможно, далеко не самое важное с точки зрения чьего-то жизнеописания. Но, как мне кажется, именно такие «незначительные» эпизоды в большей степени передают атмосферу того времени, и позволяют увидеть описанных персонажей как живых...

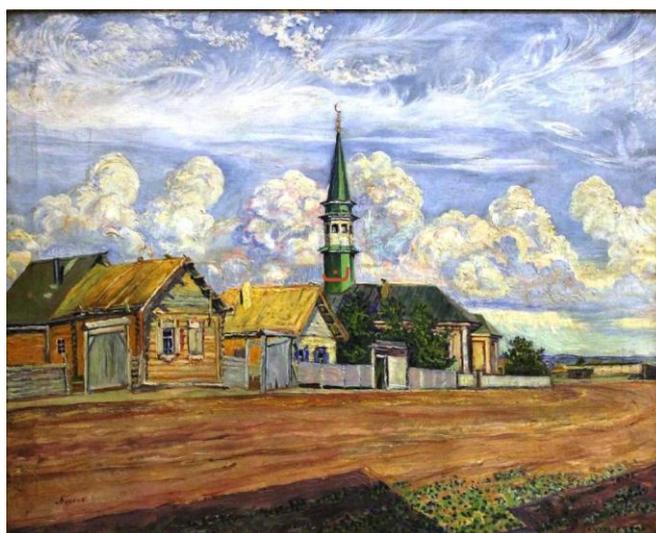

К стр. 11

В труниловском овраге в предреволюционные годы любили собираться на этюды уфимские художники во главе с Давидом Бурлюком, который жил в Башкирии с 1915 по 1918 годы. Мечеть, естественно, попадала в их поле зрения. Не знаю, сохранились ли картины Бурлюка с видом соборной мечети, но они могли бы выглядеть как мечети на других его работах из Башкирии. Его мечети не идентифицированы, поскольку он нередко фантазировал на основе реальных пейзажей, а также потому что часть религиозных объектов его картин в годы советской власти были попросту снесены.

Д.Бурлюк. «Красный полдень» (1915-1918)

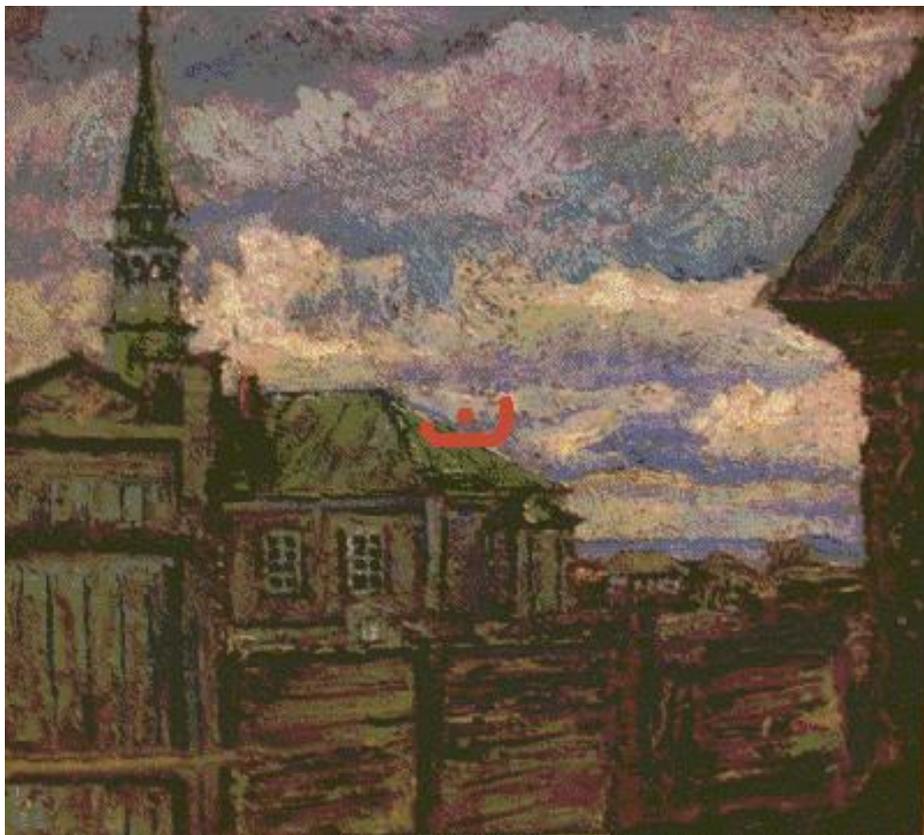

Бурлюк. «Зеленый минарет» (1915-1918)

Две его картины с изображением мечети написаны со двора деревенского дома.

Д.Бурлюк. «Татарский двор»

Д.Бурлюк. «Мечеть»

В таком же ракурсе выполнена картина, хранимая в семье Боголюбовых минимум с довоенных времен, а, возможно, и дореволюционных. К сожалению, художник не известен. Не исключено, что им мог быть один из окружения Д.Бурлюка. В свое время не удосужились этим поинтересоваться, а сейчас те, кто мог просветить на этот счет, ушли из жизни.

*Картина
неизвестного
художника.*

Дом через дорогу на картине перед мечетью загорожен воротами (видна только крыша). Тех ворот уже нет, а уютный передний дворик сейчас сужен за счет пристроя и представляет собой довольно печальное зрелище.

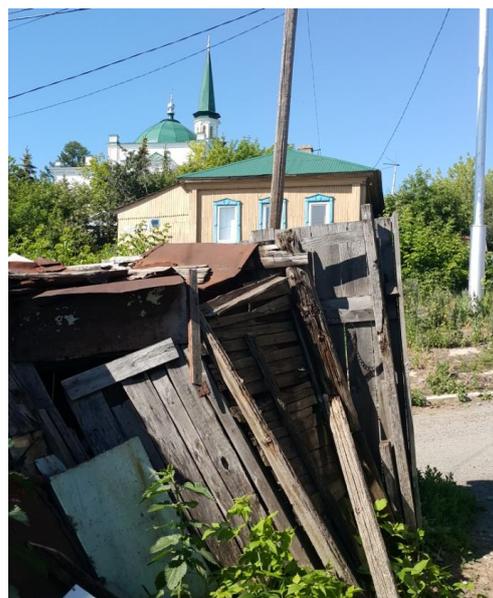

Фото 2016 года.

К стр. 13

Дом на Салавата 14. Вид спереди (2016).

Дом на Салавата 14. Вид сзади (2016).

Слева – вход в бывшую квартиру
семьи Боголюбовых (2016),
Прямо – вход на второй этаж.

Первый и второй этажи.

За задним
забором
дворика
лесистый
склон
(2016)

К стр. 14

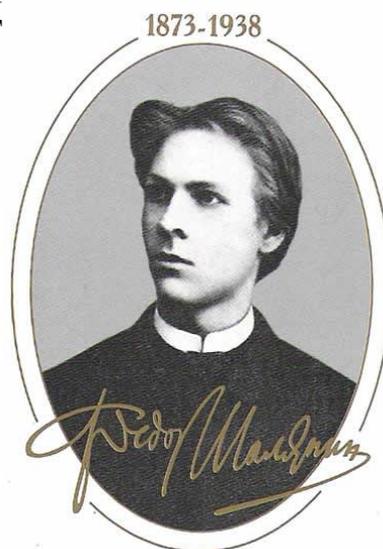
Хотя неформально улица Салавата относилась к Труниловской слободе, сами жители этой улицы в советское время неофициальным названием «Труниловка» не пользовались в отличие от обитателей соседней «Архирейки», слывшей полубандитской.

«От дома-музея поднимаемся вверх по улице Салавата, бывшей Бельской. Справа – Первая соборная мечеть и здание Мусульманского Духовного собрания, слева на склоне к реке – дома частной застройки, улицы Волновая и Труниловская. Все это – старинная Труниловская слобода, а попросту Труниловка, район города, ограниченный с юга набережной реки Белой, с востока – Случевской горой, с запада – Архиерейской слободой, с севера – улицей Тукаева (бывшей Фроловской). Происхождение названия неясно». (С.Синенко. *Неторопливые прогулки по Уфе*).

Труниловскую слободу на спуске в сторону Белой с начала XIX в. заселила городская беднота, мелкие ремесленники и ночлежный народ. Поскольку соборная мечеть и здание Мусульманского Духовного собрания соседствовали с труппами и притонами, по инициативе муфтия Салимгарея Тевкелева, председателя Духовного собрания в 1865–1885 гг. дома вокруг мечети постепенно были скуплены и заселены благонадежными гражданами. Видимо, с тех пор на улице Салавата в основном живут татары.

Известно, что на улочке Труниловской в 1890 году в доме № 6 (ныне снесен) жил великий русский певец Федор Иванович Шаляпин во время гастролей оперной труппы С. Я. Семенова-Самарского, хористом и статистом которой он был в то время. Было ему тогда 17 лет.

После революции улочка была переименована в Павлуновскую, в честь Ивана Петровича Павлуновского, председателя Уфимского ЧК с 1918 г.

Первая фотография. Уфа, 1891 год.

*Труниловский овраг.
Фото начала XX в.*

Труниловская слобода

*От дома № 12 начинается Труниловский переулочек и овраг (2016).
Слева – Танин дом (№ 14). Дома вдаль – на другом берегу Белой.*

*Труниловский переулок (2016).
По этому переулку Таня бегала на речку.*

*Вид с Труниловского переулка.
Справа – Танин дом (виден второй этаж).*

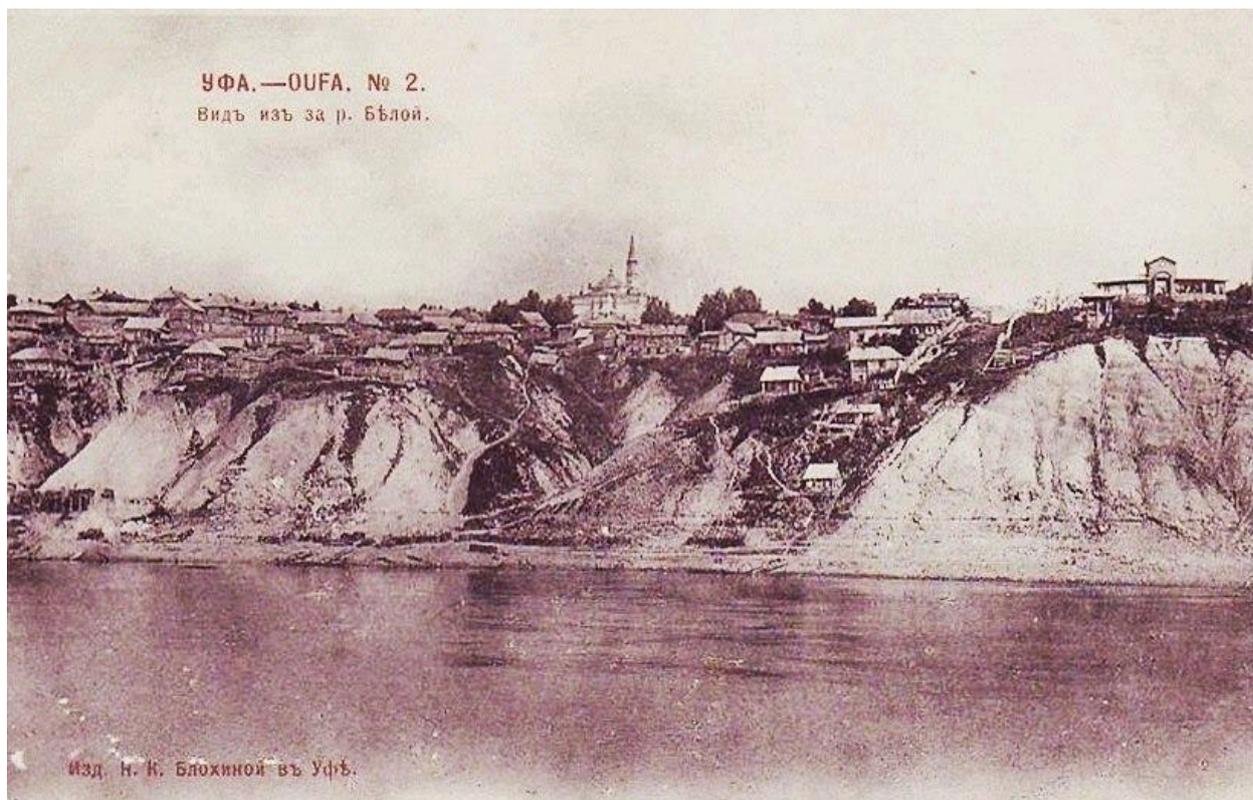

Начало улочки Павлуновского (Труниловской), параллельной переулку. Где-то здесь (дом № 6 снесли) жил Федор Шаляпин.

Конец улочки Павлуновского

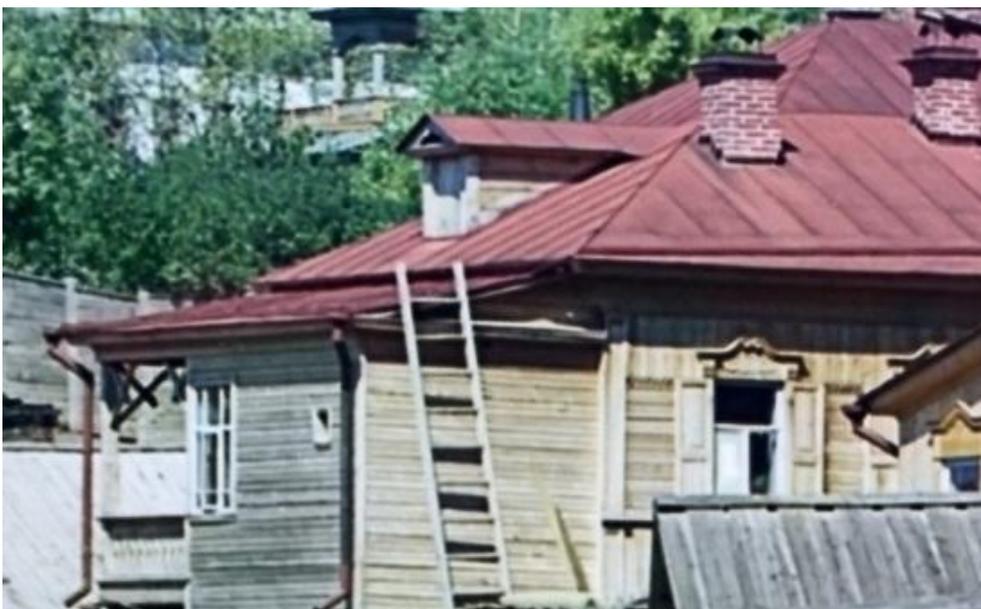
На старой открытке в центре – мечеть, чуть левее – Труниловский овраг, далее слева – Архирейка. Справа на краю – читальня в Случевском саду.

*Архирейка, Труниловка и Случевский сад
на фото Прокудина-Горского (фрагмент)*

Полное фото Прокудина-Горского, сделанное из Старой Уфы.

Дом Боголюбовых. Фрагмент снимка Прокудина-Горского.

Прокудин-Горский (полный снимок). Вид мечети (справа) и дома Боголюбовых (слева на втором плане).

Другой старый снимок почти с того же места. Деревцы ещё молоды.

Современные попытки повторить снимок Прокудина-Горского с той же точки почти не удались из-за разросшихся деревьев.
(*oldcolor Уфа 1910 года на снимках Прокудина-Горского*)

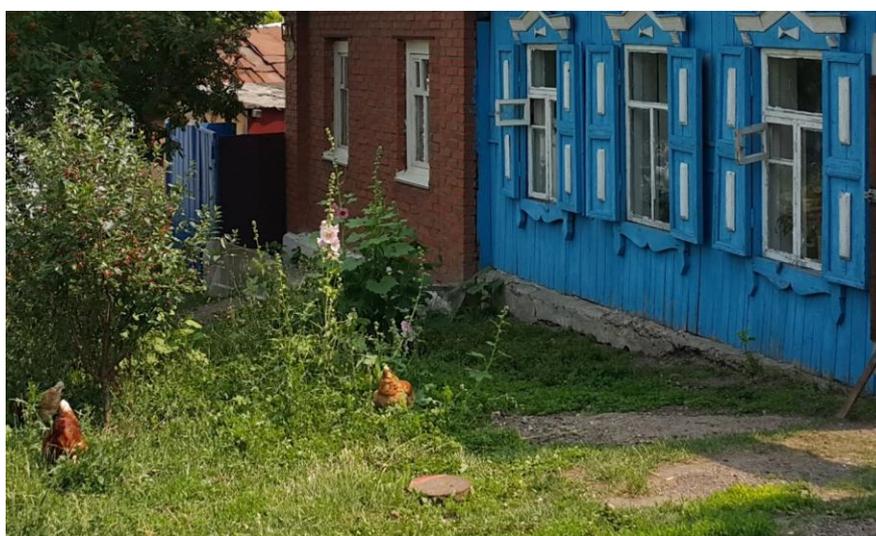
Противоположная сторона ул. Салавата (2016)

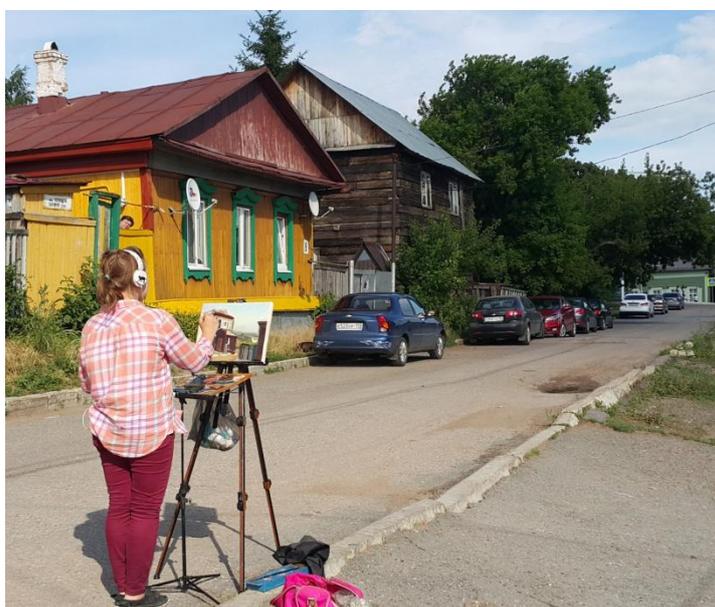
Дом Нэлки Валеевой в глубине за домом № 9 (2016).

Улица Салавата. Вид сверху (с начала) улицы.

Курам и художникам до сих пор привольно на улице Салавата.

К стр. 17

Госпиталь на ул. Тукаева (2016), куда попал раненый брат Вова.

К стр. 41-42

Уличные приятели Гриши

В первом ряду слева направо: Женя, Толя Лесков, Феликс Гайсин
Во втором ряду слева направо: Гена Лесков, Фарит, «Буля».

К стр. 18

Дом-музей Аксакова. Вид с улицы Расулева (б.Благоева)

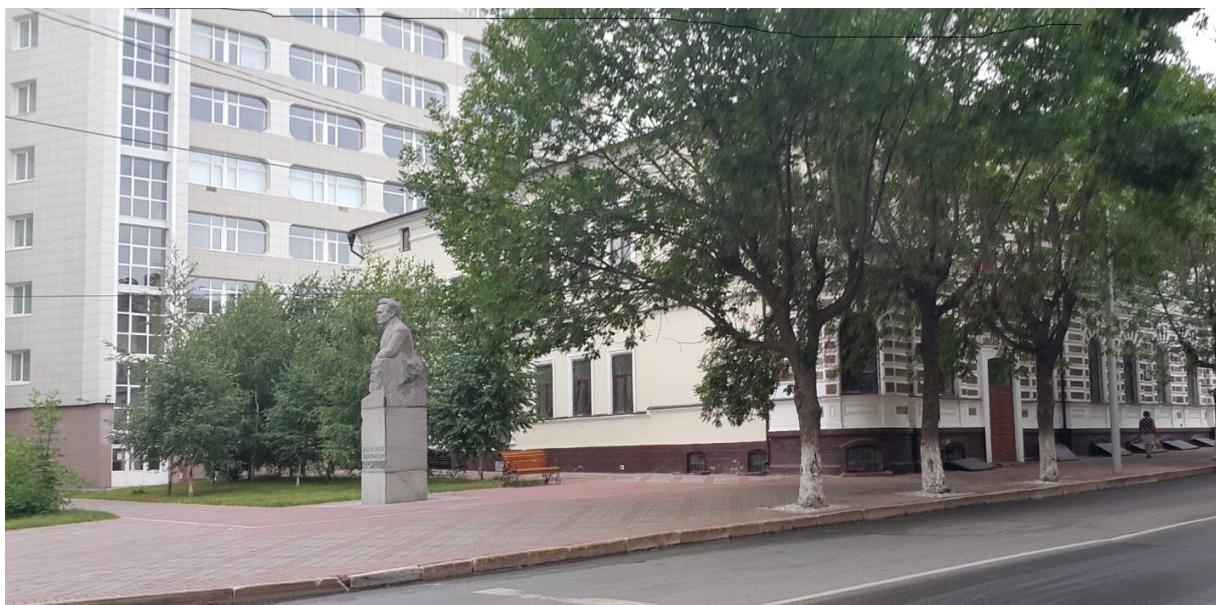

Дом-музей Аксакова (вид с улицы Салавата вдоль парка)

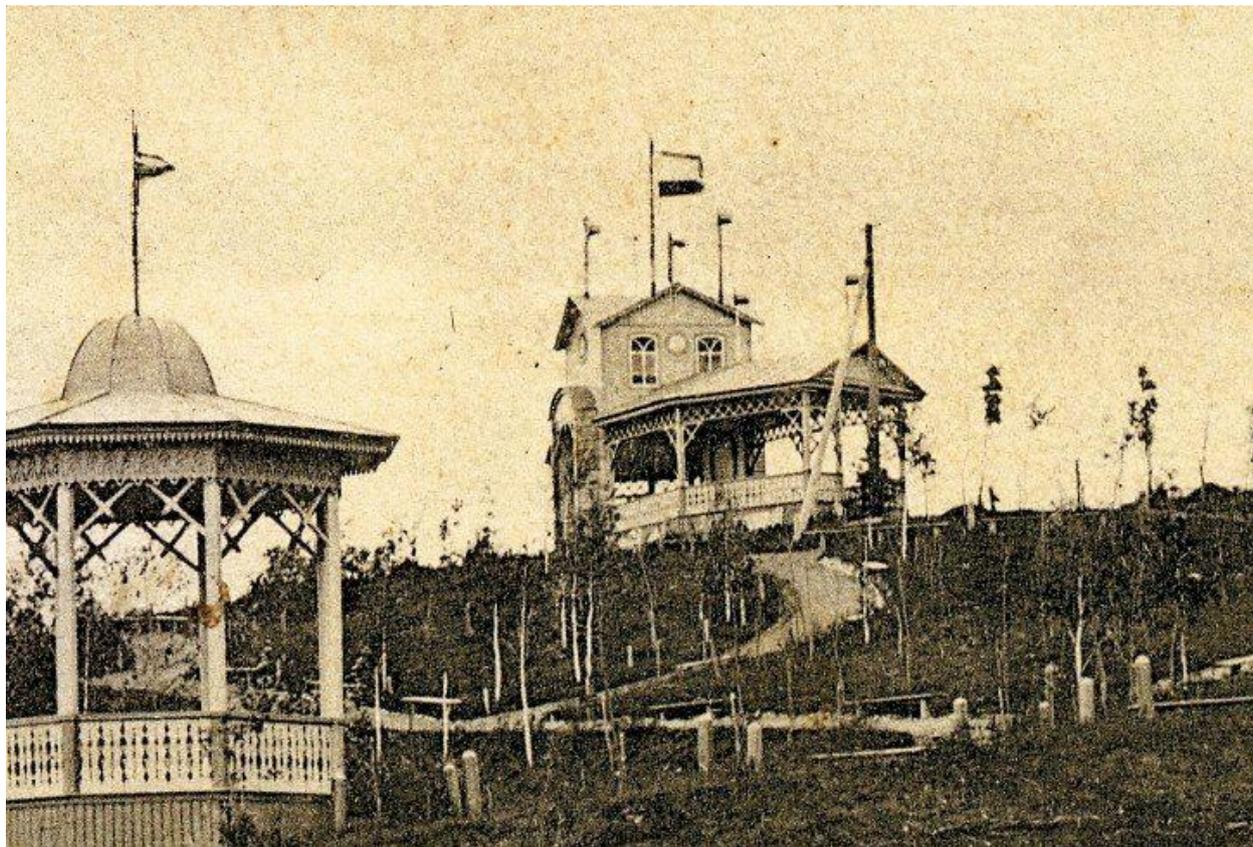
К стр. 66

Почти все дома по левой стороне Большой Казанской (Октябрьской революции) от ул. Телеграфной (Цюрупы) до улицы Центральной (Ленина) принадлежали купцу первой гильдии, лесопромышленнику Федору Егоровичу Чижову. Утверждается, что в 1890-е годы его семейство владело третьей частью кирпичных домов Уфы. Детский сад, куда Таня ходила какое-то время (на снимке виден только только один его угол) - один из первых в городе чижовских домов. Сейчас на его месте газон с памятником А.Д. Цюрупе, уфимскому революционеру (1917) и наркому продовольствия (1918). В соседнем особняке, будущем райкоме, музее и библиотеке, жил сам хозяин.

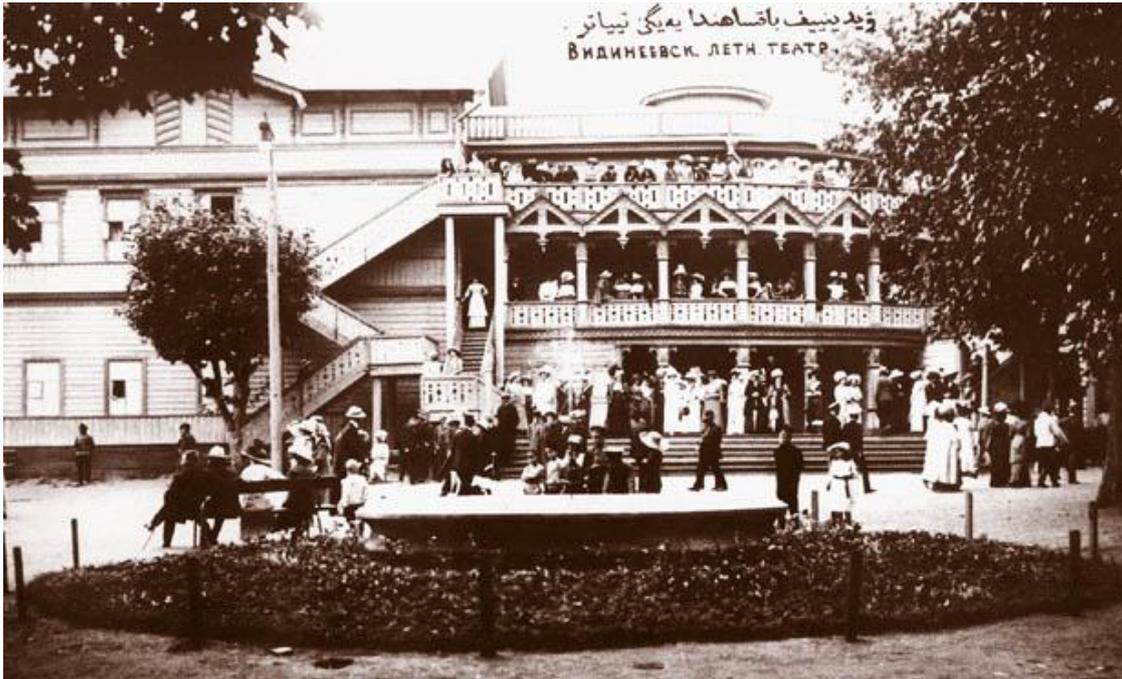
К стр. 69

Вид читального павильона в парке Салавата со стороны берега.

Вид читального павильона со стороны входа.

Летний театр в Видинеевском саду до революции. Построен последним хозяином сада Василием Ильичом Видинеевым, в 1894 году. В его честь и назван сад.

Новодел 10-х, здание Лукойла, частично расположенное на месте летнего театра, снесенного в лихие 90-е. О летнем театре напоминают только деревянные стены и башенки детской крепости. Вид из парка Аксакова.

Читальня в парке Луначарского.

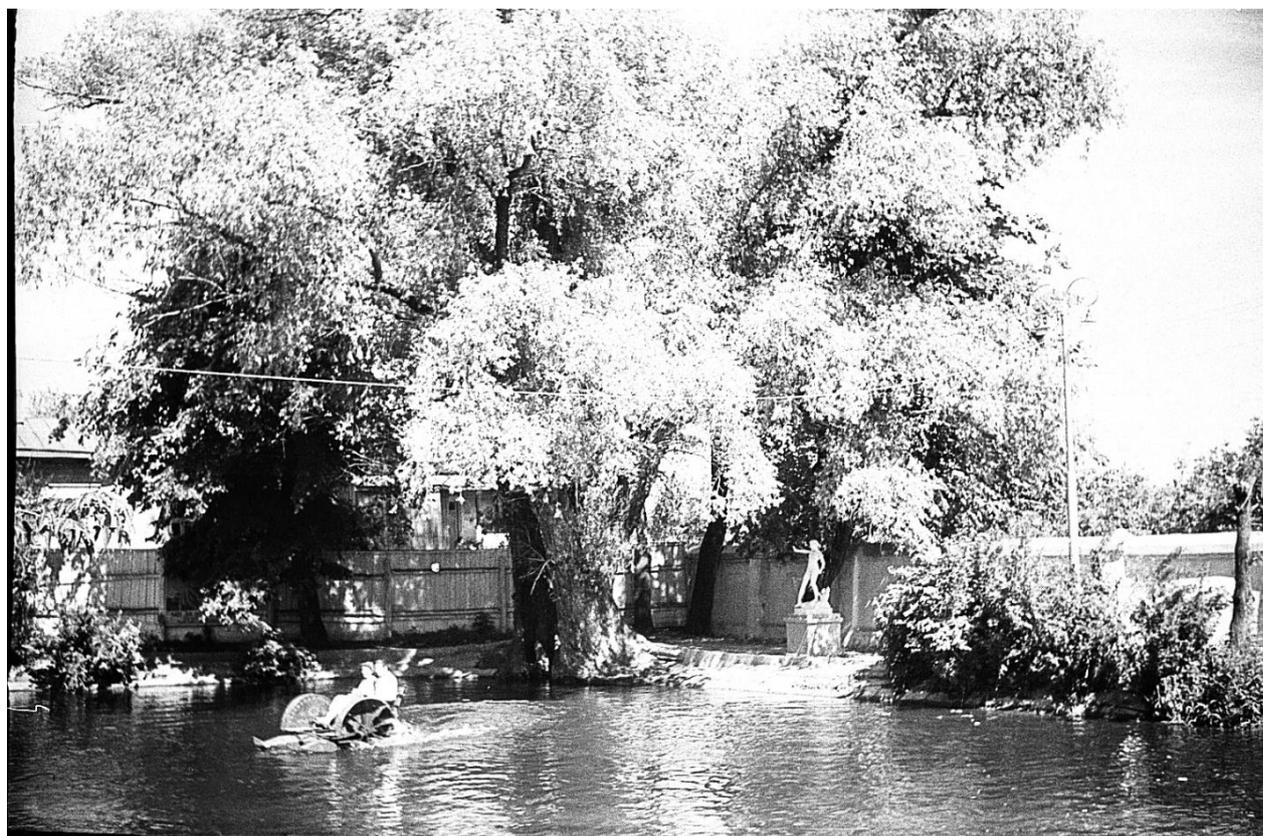
Читальня в парке Аксакова (2016)

«Прочти и верни» (если сможешь).

Уголок свободного книгообмена

в парке Аксакова (2016)

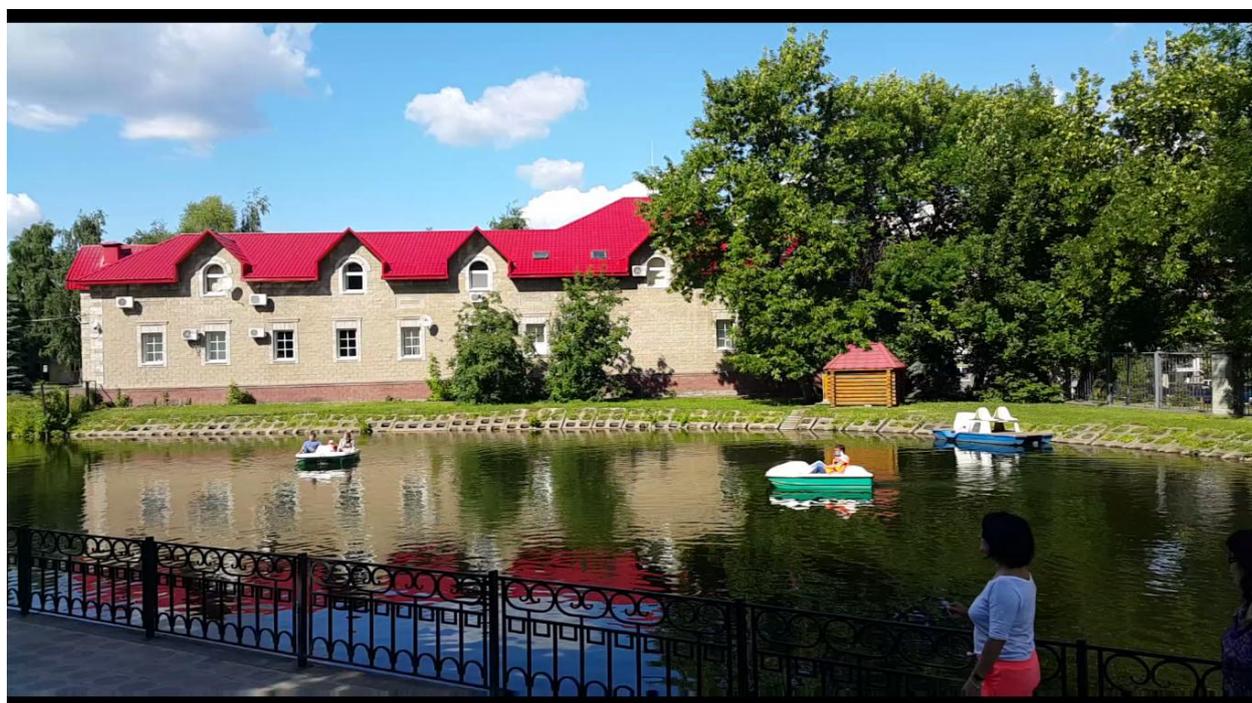

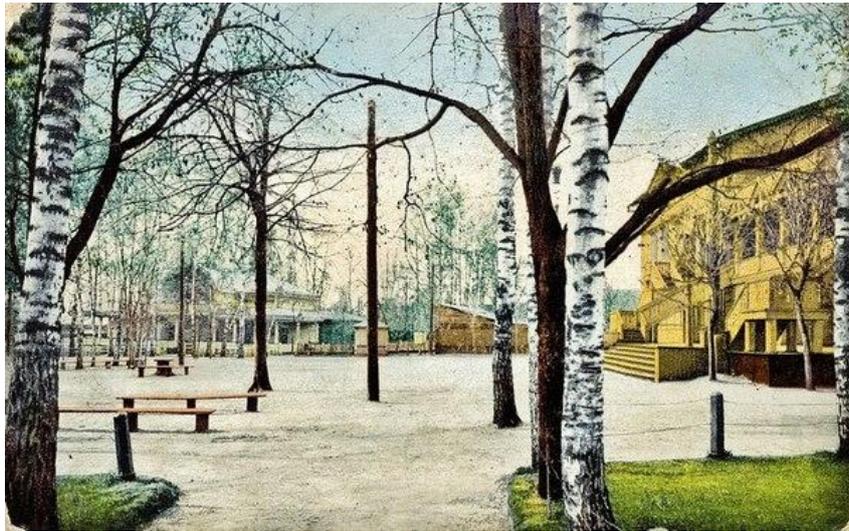
Прогулка на водных велосипедах.

Чистой рыбы в здешнем пруду больше, чем в Белой (2016).

Теперь вместо лодок – снова водные велосипеды.

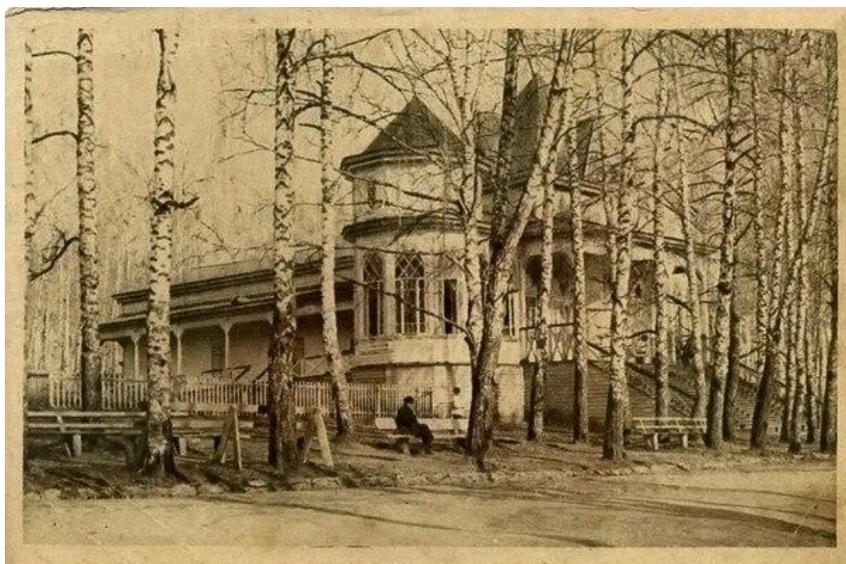

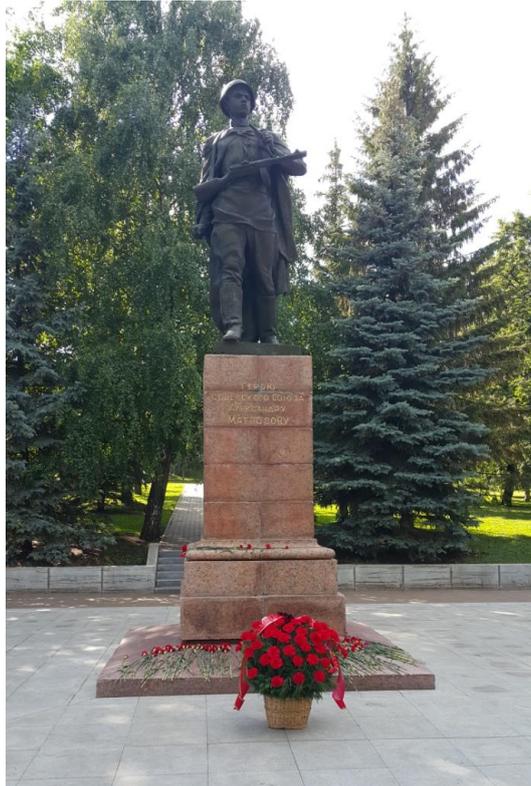
Эта летняя эстрадная площадка заменила летний театр. Здесь часто проводятся концерты самодеятельных ансамблей.

На этот раз перед пенсионерами выступают агитаторы «Единой России», раздавая призы перед выборами в Госдуму (2016).

Виды Ушаковского сада (будущего парка Матросова).
 Сад назван в честь своего создателя Сергея Петровича Ушакова, губернатора Уфы с 1867 года.

Современное фото памятника Матросову (2016)
Памятник теперь стоит уже не в центре основной аллеи, а справа
в глубине)

Здесь когда-то сидели и беседовали вожди.

*Еще один вид входа в парк Матросова изнутри.
Вожди были справа от ворот.*

Цветной снимок летнего кинотеатра «Идель».

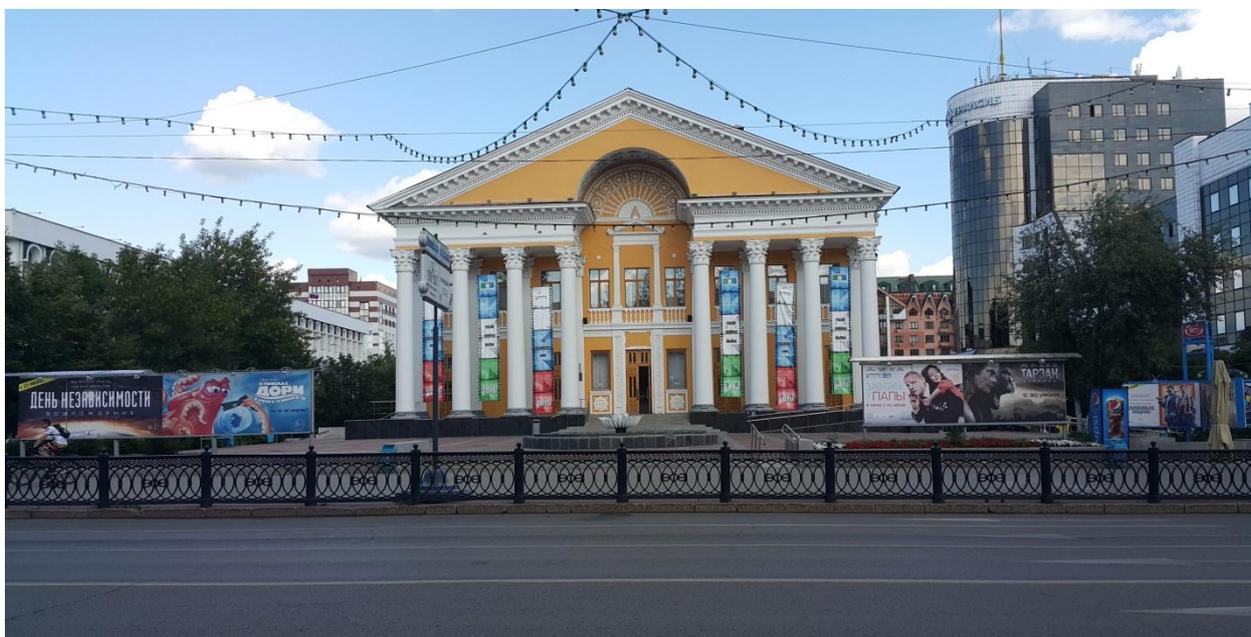
До постройки к/т «Родина» главным был кинотеатр «Октябрь»

*И до революции он был популярен под названием «Фурор».
(В Уфе был еще один «Фурор»).*

Теперь на месте «Октября» («Фурора») гостиница «Агидель»

Кинотеатр «Родина» все тот же, но с другими соседями (2016).

Слева бывшее КГБ, справа – банки.

А вместо снесенного соседа сзади (бани)

– памятник Дзержинскому.

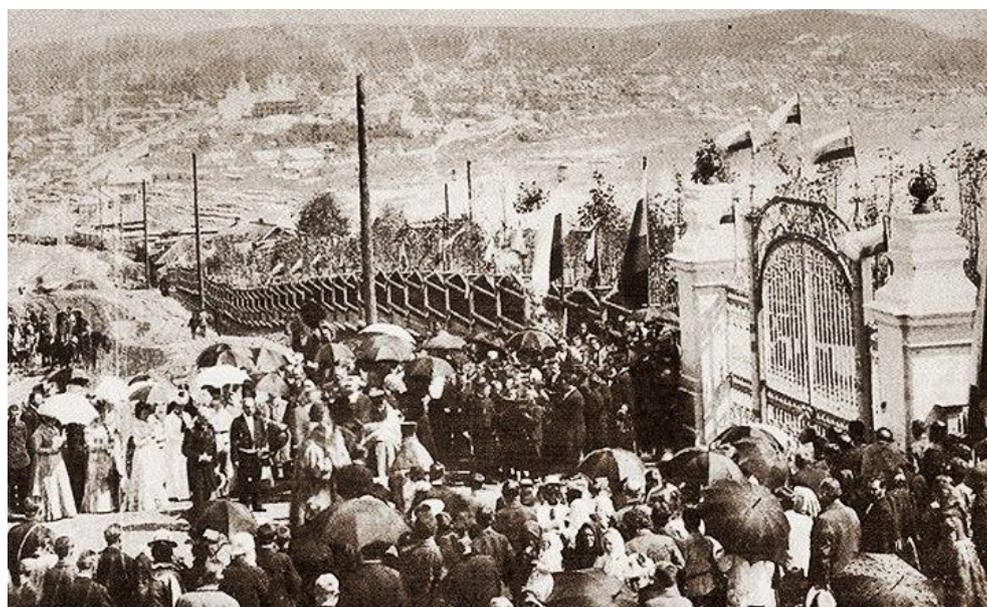

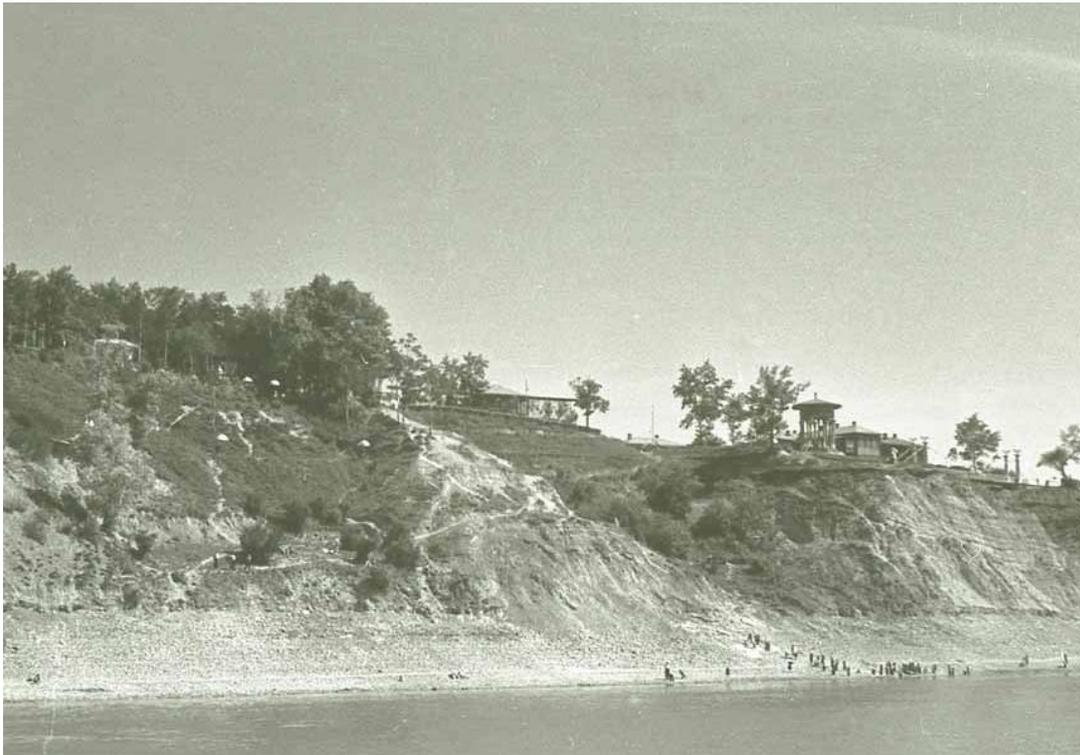
*Кассы кинотеатра «Родина» и Зеленый зал (дальняя дверь).
50-е годы.*

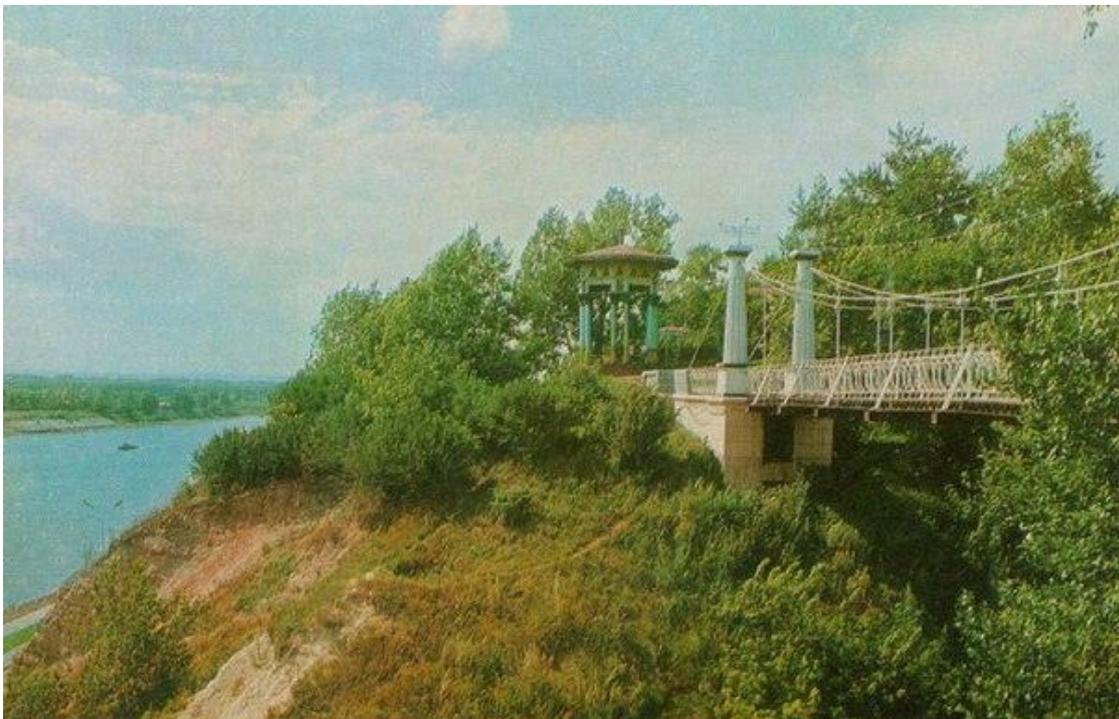
Фото 2016 года

Парк Салавата до революции назывался Случевским садом по горе Случевской, на которой он был создан в 1900 году. Гора же предположительно названа по имени Капитона Афанасьевича Случевского, Оренбургского вице-губернатора с 1836 года (его резиденция была в Уфе). Парк неоднократно менял свои названия: сад Николая Богдановича после смерти уфимского губернатора, убитого эсерами в 1903 году. После Октябрьской революции в 1918 году парк стал называться в честь другого эсера-террориста Егора Сазонова. С 1937 парк стал носить имя Салавата. В 1960 г. здесь был установлен бюст Салавата Юлаева. В 1967 парк получил название в честь Н. К. Крупской, жены В.И.Ленина (Уфа – место ее ссылки) и бюст убрали. Лет через сорок в 2004 году вернулось прежнее название – парк Салавата.

Лето на реке. В центре наверху – здание читальни, правее – беседка, затем недавно построенный висячий мост. Еще нет облицованной набережной.

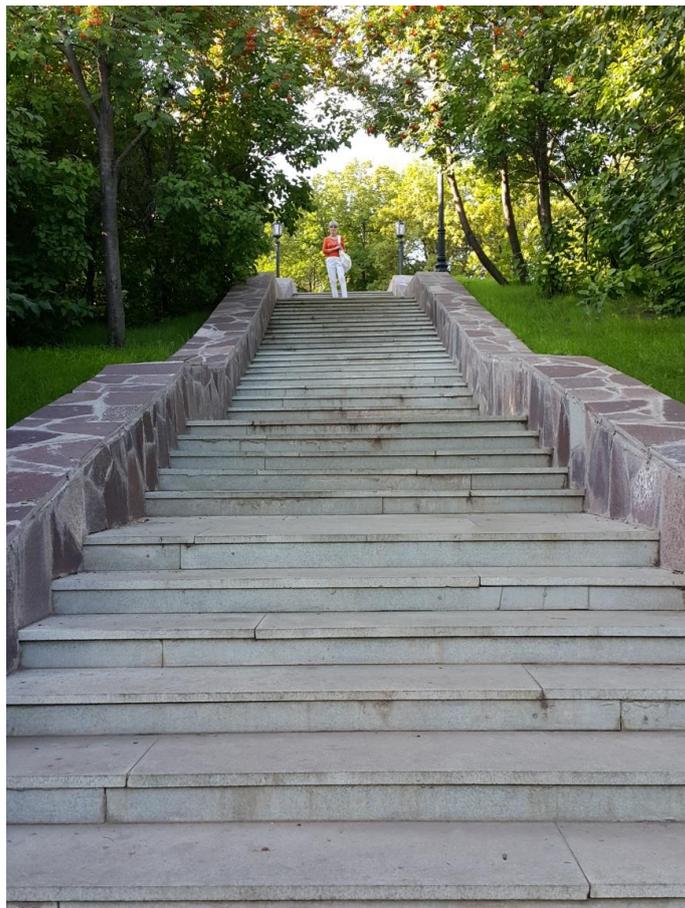
Беседка и висячий мостик в середине XX века.

Висячий мостик (2015)

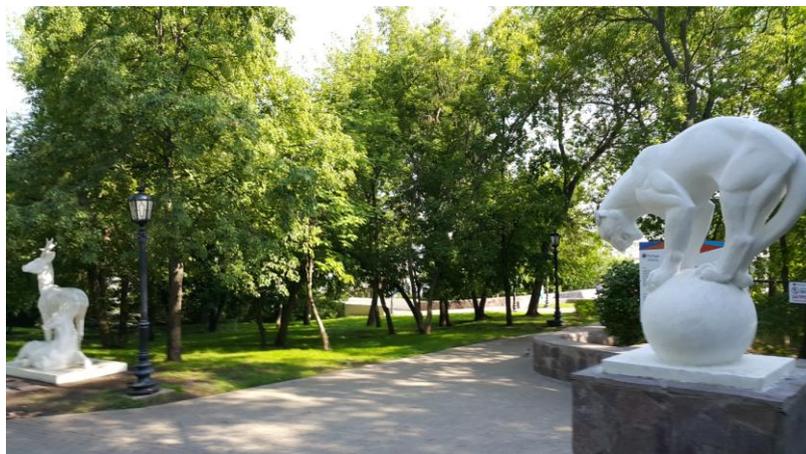
Вид на Белую из парка Салавата.

Раньше это была одна из многих тропинок, ведущих из парка к реке. В 60-е здесь была сооружена (или восстановлена) деревянная лестница. Нынешняя каменная лестница появилась совсем недавно.

Одна из знаменитых беседок в парке Салавата, выполненных по образцу видинеевских. После многолетнего упадка реконструкция последних лет преобразила парк, который заметно похорошел.

Возродили не только дореволюционные беседки, но и скульптуры советской эпохи (2016).

К стр. 90

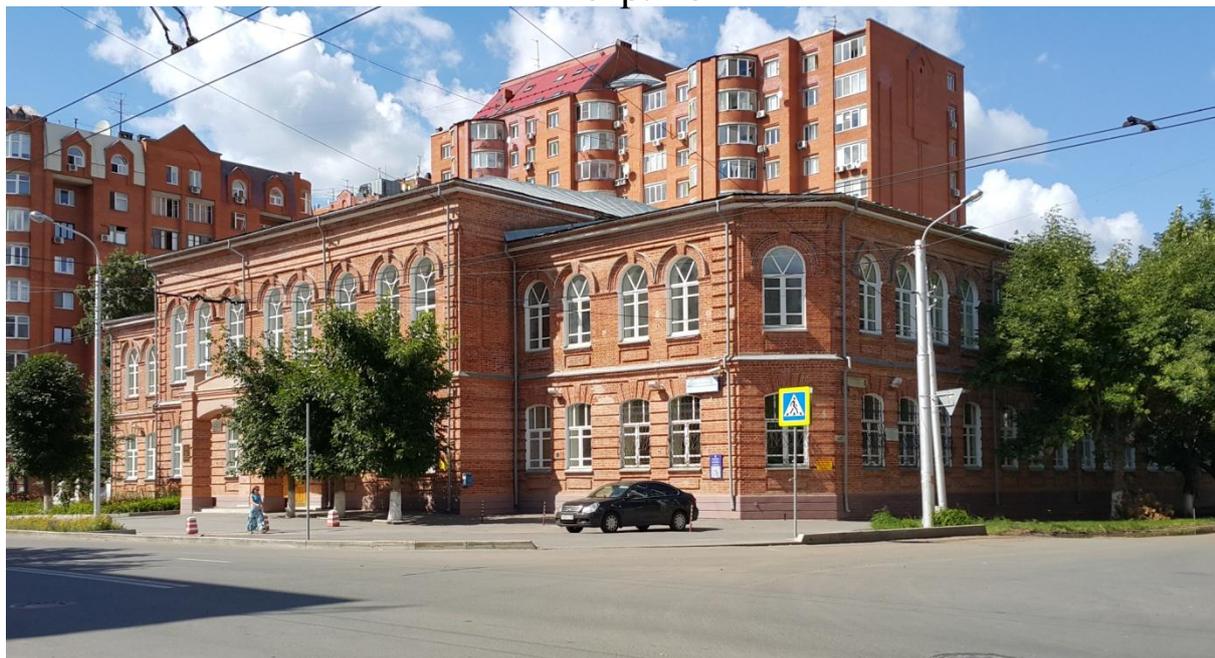

Новое здание-пристрой школы № 14 стало основным корпусом. Старое здание справа на снимке закрыто деревьями.

Оба корпуса школы № 14. Вид сзади.

К стр. 20

*2-я женская гимназия, затем рабфак. Сейчас – это корпус
БашГУ (факультет романо-германской филологии).*

Снимок 2016г.

К стр. 34

*Один из корпусов Уфимской академии искусств, где одно время
располагался Учительский институт и пединститут.*

Снимок 2016 года.

Миролюбова Татьяна Григорьевна

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

ЧАСТЬ I. ДЕТСТВО

© Т.Г.Миролюбова, 2016.

© Оформление Б.Т. Ганеев, 2016.

Μνημοσύνη

Mnemosyne

Миролюбова Т.Г. Мои воспоминания. Часть I. Детство.

– Уфа: Китап, 2016. – 140с.